

ИСТОРИЯ ГРЕЦИИ

Самохвалова Н.Е. (Москва)

ВЛИЯНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ НА ОПИСАНИЕ ИНДИИ В ТРУДАХ АНТИЧНЫХ ИСТОРИКОВ И ГЕОГРАФОВ

Отдаленные страны, сведения о которых малы и отрывочны, изначально становились тем местом, куда греческие авторы помещали разнообразные чудесные явления, которые никак не могли существовать на знакомой и обжитой территории. В данной работе будет предпринята попытка проследить зарождение и развитие традиции описания Индии как необыкновенной страны, страны всяческих диковинок и странностей и соотношение этой традиции с расширением географических познаний античных авторов.

Традиция описания Индии как удивительной страны берет начало в “Истории” Геродота. Согласно географическим представлениям того времени, Индия — это страна, находящаяся на восточной границе ойкумены; земли, располагающиеся восточнее нее, не населены, поскольку это пустыня¹ (Ἰνδῶν γὰρ τὸ πρὸς τὴν ἠῶ ἐρημία ἐστὶ διὰ τὴν ψάμμον [III.98]²). Геродот пишет, что инды — первые из народов, живущих на востоке, о которых что-либо известно (τῶν γὰρ ἡμεῖς ἴδμεν, καὶ περὶ ἀτρεκές τι λέγεται, πρῶτοι πρὸς ἠῶ καὶ ἡλίου ἀνατολὰς οἰκέουσι ἀνθρώπων τῶν ἐν τῇ Ἀσίῃ Ἰνδοί [III.98]). Такое географическое положение страны определяет в восприятии греков ее удивительные особенности. Сам Геродот пишет об этом так: αἱ δ’ ἐσχάται κως τῆς οἰκεομένης τὰ κάλλιστα ἔλαχον (“окраины ойкумены получили лучшее” [III.106]). Нахождением Индии на краю мира объясняются и ее удивительный климат (III.104) и необыкновенный растительный и животный мир: животные там большей величины, чем в Греции, плоды деревьев дают шерсть, а недра земли изобилуют золотом (III.106). Обычай людей, живущих там, резко отли-

¹ Речь идет о современной пустыне Тар.

² Здесь и ниже цитаты из Геродота даются по изданию: *Hérodote. Histoire / Texte établi par Ph.-E.Légrand. Paris, 1939.*

чаются от обычаев эллинов (достаточно упомянуть племена, которые едят тела своих умерших родителей, считая это единственно возможным достойным способом их погребения [III.38]). Наконец, среди диковинок Индии Геродот упоминает муравьев “величиной меньше собаки, но больше лисицы” (μύρμηκες μεγᾶθεα ἔχουτες κυνῶν μὲν ἐλάσσω, ἀλωπέκων δὲ μέζω [III.102]), добывающих золотоносный песок, и описывает, как индийцы похищают у них золото (III.102–105). Таково в кратком виде представление об Индии, которое дает своему читателю Геродот.

Контакты греко-римского мира с Индией способствовали увеличению количества реальных географических и этнографических сведений об этой стране. В IV–III вв. до Р.Х. появились свидетельства об Индии участников похода Александра Македонского и труды Мегасфена и Деймаха, посланных эллинистическими правителями к маурийским царям. Однако в произведениях авторов, знакомых с этими трудами, отражались не только новые знания об Индии, полученные непосредственно из описаний этой страны людьми, видевшими ее своими глазами, но и существующая литературная традиция, берущая свое начало в “Истории” Геродота; причем результатом взаимодействия этих двух элементов (т.е. знаний и традиции, полученных опытным путем) далеко не всегда становится возобладание первого. Попробуем проследить их соотношение, а также степень влияния традиции, заложенной Геродотом, на последующих авторов на примере рассказа о муравьях, добывающих золотой песок.

Неправдоподобность сюжета о муравьях, отличающихся необычайной величиной и скоростью, способных убить как верблюда, так и человека, защищая свой золотоносный песок (III.105), очевидна. Считается, что за муравьев принимался, видимо, определенный вид сурков, а сам рассказ выдуман местными золотоискателями, чтобы отпугнуть конкурентов. Более того, неправдоподобность как этого, так и многих других сведений об Индии осознавалась некоторыми из античных авторов, например Флавием Аррианом, известным своим стремлением к точности и критическим подходом к отбору фактов. Достаточно сказать, что его “Анабасис Александра” считается наилучшим источником по истории походов Александра Македонского. “Из сохранившихся сочинений об Александре “Анабасис” содержит наиболее трезвое и ясное изложение событий <...>, — пишет Л.П. Маринович. — Арриан нередко отвергает свидетельства своих источников, не согласующиеся с его критическим чутьем и опытом”³. В “Анабасисе Александра” он упоминает все те слухи об Индии, о которых нельзя не упомянуть, поскольку они общеизвестны, но лишь упоминанием и ограничивается, объясняя это тем, что все эти байки “созданы скорее для удовольствия, чем для рассказа о существующих вещах” (ἐφ’ ἡδοιῆι μᾶλλον τι πεποιήται ἢ ἐς

³ Маринович Л.П. Время Александра Македонского // Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма) / Под ред. В.И. Кузищина. М., 1982. С. 62.

ἀφήγησιν τῶν ὄντων [V.4.3]). В своем стремлении к максимальной точности описаний Арриан подвергает сомнению даже свидетельства самих участников похода Александра; он пишет, что они опровергли многие слухи об Индии, “кроме тех, что выдумали сами” (V.4.4). Однако в “Индике” Арриан вновь обращается к теме добывающих золото муравьев и приводит свидетельство побывавшего в Индии Мегасфена, который сообщает, что рассказ о муравьях — истинный (Μεγασθένης δὲ καὶ ἀτρεκέα εἶναι ὑπὲρ τῶν μυρμηκῶν τὸν λόγον ἱστορέει [15.5]) и что они “выкапывают золото не ради самого золота, но по природе своей под землей роют [норы], чтобы прятаться, подобно тому, как наши маленькие муравьи выкапывают немного земли” (15.5). Оценка вероятности существования этих муравьев в “Индике”, в отличие от “Анабасиса Александра”, уже неоднозначна: с одной стороны, Арриан пишет, что Мегасфен, говоря об этих муравьях, основывается на слухах (Μεγασθένης τε ἀκοὴν ἀπηγγέεται [15.7]) и что он сам, поскольку ничего более точного написать не может, охотно оставляет рассказ о муравьях (καὶ ἐγὼ ὅτι οὐδὲν τοῦτου ἀτρεκέστερον ἀναγράψαι ἔχω, ἀπίημι ἐκὼν τὸν ὑπὲρ τῶν μυρμηκῶν λόγον [15.7]). Но чуть раньше Арриан ссылается на другого побывавшего в Индии человека, участника похода Александра Великого Непарха: “<...> про муравьев Непарх говорит, что сам он не видел муравьев, о которых некоторые другие написали, что они водятся в земле индов” (15.4), и такое свидетельство не противоречит общей тенденции Арриана к критическому подходу к непроверенным фактам. Однако дальше Непарх утверждает, что он, тем не менее, видел многочисленные шкуры этих муравьев, принесенные в македонский лагерь (δορὰς δὲ καὶ τούτων ἰδεῖν πολλὰς ἐς τὸ στρατόπεδον κατακομισθείσας τὸ Μακεδονικόν [15.4]), и Арриан никак не комментирует это утверждение. Таким образом, несмотря на все его скептическое отношение к свидетельствам о различного рода странных и чудесных вещах, он все же пересказывает их.

Подобная тенденция проявляется и в “Географии” Страбона. Начиная описывать Индию, он перечисляет все те сказочные сюжеты, которые, очевидно, были хорошо известны читателю, поскольку их достаточно было просто упомянуть, и отмечает, что все писавшие об этой стране по большей части сообщали ложные сведения (“Ἀπαντες μὲν τοίνυν οἱ περὶ τῆς Ἰνδικῆς γράψαντες ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ ψευδολόγοι γεγόνασι [II.1.9]). Однако, приступая к подробному описанию Индии, Страбон охотно все эти ложные сведения пересказывает. Он упоминает и утверждение Непарха, будто тот видел шкуры выкапывающих золото муравьев, похожие на шкуры леопардов (τῶν δὲ μυρμηκῶν τῶν χρυσορῦχων δέρματα ἰδεῖν φησιν οὗτος παρδαλέαις ὅμοια [XV.1.44]), и рассказ Мегасфена о повадках этих муравьев и способе, с помощью которого индийцам удается похищать у них золото (XV.1.44).

Впрочем, многие авторы, говоря о чудесных муравьях, не выражают никаких сомнений в их существовании. Так, Плиний Старший, описывая их внешний вид (*ipsis color felium, magnitudo Aegypti luporum [XI.111]*) и рассказывая о том, как инды похищают у муравьев золото, вовсе не задается вопросом о достоверности излагаемого материала и преподносит его без всяких оговорок, как объективную реальность. Действия муравьев, бросающихся в погоню за похитителями, Плиний объясняет, приписывая необыкновенным насекомым человеческую страсть к золоту (*tanta pernicitas feritasque est cum amore auri [XI.111]*).

Итак, сведения, которые сообщает об Индии Геродот, воспринимавший ее как полусказочную страну на краю ойкумены, пересказываются античными авторами, жившими после походов Александра Македонского и путешествий Мегасфена и Деймаха, хотя круг доступных им знаний весьма расширился и изменились сами источники этих знаний: об Индии узнавали уже не из слухов о рассказах побывавших там смельчаков, а из свидетельств живших там и исследовавших страну людей. Несмотря на присутствующий в некоторых исторических и географических трудах критический подход к отбору фактов, стремление к точности побеждает не всегда. Наоборот, зачастую авторы игнорируют доступные в их время сведения и продолжают насыщать свой рассказ фантастическими подробностями, хотя и предупреждают читателя, что сами они описанного не видели и не считают, что эти сведения заслуживают доверия. Таким образом, выходит, что при столкновении новых знаний, полученных эмпирическим путем, и стойкой литературной традиции предпочтение зачастую отдается традиции.

Михайлова Т. А. (Москва)

СИСТЕМА ОППОЗИЦИЙ В “ТРУДАХ И ДНЯХ” ГЕСИОДА

Композиция “Трудов и дней” до сих пор ставит перед исследователями сложную задачу. Анализируя поэму через систему оппозиций, можно попытаться дать некоторую характеристику внутреннего устройства произведения. Отчасти такая постановка проблемы не будет оригинальной, хотя бы уже в связи с дидактическим жанром, однако принцип противопоставлений намного глубже пронизывает текст и отвечает авторской концепции, чем это может показаться на первый взгляд. Рассматривать оппозиции необходимо на нескольких уровнях: на сюжетном уровне, на уровне лексики, в жанровых особенностях ТД и др.

Сразу же после вступления Гесиод обращается к мифам, вводя с их помощью свои основные теоретические идеи. Он говорит о пользе соревновательного духа, рассказывает о появлении несчастий, характеризует поколения и положение современных ему людей, хвалит справедливость и благочестие. Все положения он последовательно иллюстрирует мифом или хотя бы некой мифологической зарисовкой. При этом уже сразу задается и оппозиционная тема. Во всех приведенных сюжетах она присутствует, но разрабатывается по-разному. Первым идет рассказ о двух Эридах (11–39), одна из которых соответствует завистливому соперничеству и умножает войны и ссоры, а другая — плодотворному соревнованию “и бездеятельного побуждает к работе” (20; ср.: *Theog.* 225–226, где упоминается одна Эрида). Следующим идет рассказ о Прометее и Эпиметее (42–105). Первый приносит людям благо, второй же служит причиной несчастий, приняв дар Зевса. Если плюсы и минусы распределяются в этом случае между двумя братьями, то фигурирующая в этом же мифе Пандора содержит и то, и другое одновременно: прекрасную внешность, но при этом лживый, “собачий” нрав. Также упоминаются два дара: положительный дар Прометея людям — огонь, и отрицательный дар Зевса Эпиметею — сама Пандора. Закончив с этим рассказом, Гесиод приступает к описанию пяти веков (106–201), где оппозицию можно назвать уже не бинарной, а “градуированной”. Далее приводится басня (202–212), где показано противостояние слабого и сильного и указывается на два возможных исхода: ястреб, поймавший соловья, может съесть, а может и отпустить его. Наконец, заканчивая эту наиболее теоретическую часть, автор описывает два города (225–247), в одном из которых царит почитание богов и справедливость, а в другом — надменность и беззаконие.

Самую значительную группу составляют в ТД собственно дидактические оппозиции. Это многочисленные хозяйственные, бытовые, нравственные наставления, касающиеся правил крестьянской жизни, общения с другими людьми и почитания богов. Однако именно эта группа оппозиций представляется наименее

важной. В большинстве случаев наставления мало отличаются друг от друга, но даже и разница между ними продиктована, скорее, правилами синтаксиса и метрики, чем авторской идеей.

Рассматривая лексические оппозиции, интересно обратиться к прооймиону ТД (1–10)¹:

Μοῦσαι Πιερίηθεν ἀοιδῆσι κλείουσαι,
 δεῦτε Δί' ἐννέπετε, σφέτερον πατέρ' ὑμνείουσαι·
 ὄν τε διὰ βροτοὶ ἄνδρες ὁμῶς ἄφατοί τε φατοί τε,
 ῥητοὶ τ' ἄρρητοὶ τε Διὸς μεγάλοιο ἔκητι.
 ῥέα μὲν γὰρ βριάει, ῥέα δὲ βριάοντα χαλέπτει,
 ῥεῖα δ' ἀρίζηλον μινύθει καὶ ἄδηλον ἀέξει,
 ῥεῖα δέ τ' ἰθύνει σκολιὸν καὶ ἀγήνορα κάρφει
 Ζεὺς ὑψιβρεμέτης, ὃς ὑπέρτατα δώματα ναίει.
 Κλυθὶ ἰδὼν αἰὼν τε, δίκη δ' ἴθυνε θέμιστας
 τύνη· ἐγὼ δέ κε Πέρση ἐτήτυμα μυθησαίμην.

(“Пиерийские музы, песнями прославляющие, / расскажите о Зевсе, собственного отца воспевая. / Из-за него смертные бесславны (–) и славны (+), / известны (+) и неизвестны (–) по воле великого Зевса. / Легко ведь делает сильным (+), легко и сокрушает сильного (–), / легко известного понизит (–), а неизвестного повысит (+), / легко исправит неправого (+) и сломит отважного (–) / Зевс, гремящий в высоте, который в высочайших жилищах обитает. / Внемли, увидев и услышав, и справедливо ты направляй законы; / я же рассказал бы Персу верные вещи”).

Обозначив плюсом положительное действие или понятие, а минусом отрицательное, можно прийти к схеме двух предложений, которая выстраивается “по цепочке”: плюс к плюсу, минус к минусу:

1) – + + – 2) + – – + + –

Композицию вступления можно представить в виде круга: инвокация к Музам – Зевс называется – Зевс описывается – Зевс называется – инвокация к Персу². Власть Зевса над людьми соотносится с властью поэта. В перечислении возможностей Зевса сначала говорится о том, что он может сделать человека бесславным и славным, неизвестным и известным, а исполнителем этого является именно поэт. Таким образом, пятая строка относится к ним обоим одновременно. Специально прибегая к анафоре, Гесиод использует варианты ῥέα/ῥεῖα (т. е. с долгим и кратким гласным): Зевс делает кого-то сильнее и слабее (больше или меньше), Гесиод делает то же самое со словом. Заканчивается вступление как бы “распределением обязанностей” между Зевсом и Гесиодом, каждый из которых должен исправить то, что в его силах.

¹ Греческий текст цит. по: *Hésiode. Théogonie; Les travaux et les jours; Le bouclier / Texte établi et traduit par Paul Mazon. Paris: Le Belles Lettres, 1951. P. 86–116.*

² Ср.: *Lamberton R. Hesiod. Yale University Press, New Haven and London, 1988. P. 107–108.*

Несколько раз в тексте встречается модель, которую можно назвать “ложная оппозиция”. Сначала это простой дидактический совет: А — хорошо, В — плохо. Неожиданно вместо порицания В автор приходит к выводу, что и В тоже может быть хорошо. Самый яркий пример — место, где автор говорит о предпочтительном количестве детей в семье (374–380): “единородным пусть сын отцовский дом / вскармливает; чтобы богатство увеличивалось в доме. / Старым пусть он умрет, одного сына оставив. / Легко же и многим дал бы Зевс несказанное счастье. / Огромна о многих забота, больше же и приумножение”.

Вполне естественно слышать от Гесиода совет иметь именно одного сына, а не нескольких, так как для него этот вопрос действительно актуален. Однако неожиданно (возможно, даже для себя) он приходит к противоположной мысли. Изначально задуманный как дидактический совет полностью теряет свой смысл, потому что какую пользу из него можно извлечь, если оба варианта предпочтительны? Зато рассуждение автора развивается непосредственно перед нами (ср. также: 316, 489).

Ход собственных мыслей, даже не всегда логичных с точки зрения дидактики, Гесиод демонстрирует нам, отходя в некоторых случаях от строгой модели поучительных советов. Здесь удобно рассмотреть следующий эпизод, где Гесиод описывает тяжелые зимние месяцы и холодный северный ветер, дующий в долинах и лесах (512–528): “...звери дрожат, поджимая хвосты; / хоть их кожа и покрыта шерстью; / но холодный [ветер] продувает, хотя у них косматая грудь; / и через шкуру быка проходит, и она его не задерживает, / и через длинношерстную козу дует; овечьего же стада нисколько, потому что у них густая шерсть, не продувает / сила ветра Борея; бегущим делает старика, / а через тонкую кожу девушки не продувает, / которая внутри дома при своей матери остается, / еще не зная дел золотой Афродиты, / и, омыв нежную кожу и обильно маслом / намазавшись, во внутренней комнате ложится спать / в зимнее время, когда бескостный свою ногу гложет / в холодном и жалком жилище; / ведь солнце не дает корма, / но у народа и города черных людей / находится, поздно же показывается всем грекам...”.

Дальше речь снова заходит о холоде и о замерзших животных. Этот эпизод является очень важным для изучения поэтики Гесиода, и его интересно рассмотреть с точки зрения оппозиций. Сначала мы видим, как, поставив своей задачей устроить слушателя картиной холодной зимы и убедить его в необходимости готовить запасы, автор увлекается описанием ветра. Он представляет себе его маршрут — по морю, по равнине, по лесу — потом переключается на животных, представляет себе их всех по очереди и вдруг доходит мысленно до овец, которых ветер не продувает. Это первая оппозиция. Можно предположить, что дальше он думает: “а кого еще ветер не продувает?”. Ему в голову приходит образ молодой девушки, сидящей в зимнее время в теплом доме. Ее тоже никак не

затрагивает холод. Гесиод тут же строит оппозиции уже от ее образа. Он пишет в соседней строке о старике, который вынужден бегать от ветра, в отличие от девушки, спокойно находящейся в своей комнате. Далее, описав, как она, омыв кожу и натершись маслом, ложится спать, Гесиод находит уже “эстетическую” оппозицию. Если образ этой девушки поражает читателя своей неожиданной яркостью, красотой и поэтичностью, то следующее за ним описание полипа (видимо, здесь имеется в виду осьминог) кажется по контрасту особенно неприятным. Надо обратить внимание на то, что противопоставление этих двух образов построено довольно последовательно. Комната девушки представляется уютной, теплой и, скорее всего, светлой, а жилище полипа названо ἄπυρος (“безогненный”), что можно понять и как “темный”, и как “холодный”. В обоих случаях противопоставление первому описанному жилищу очевидно. Кроме того, противоположно отношение этих двух персонажей к своему телу: девушка оmyвает его и натирает маслом, а полип “грызет свою ногу”. В результате получается, что, отклонившись от исходной идеи, мысль, пройдя круг, снова возвращается к началу. Если изначально автором была поставлена цель напугать картиной страшного холода и зимы, то результат совсем уже не соответствует этой задаче. Такое вроде бы необоснованное отклонение от темы не несет никакой дидактической нагрузки и, на мой взгляд, противоречит правилам риторики, так как после таких отступлений впечатление о ветре отходит у слушателя на второй план. Зато никак нельзя отрицать поэтической ценности эпизода. Кроме того, на этом примере видно, как на глазах “оживает” образ Гесиода. За его ассоциациями буквально можно проследить. Это уже не просто крестьянин с традиционной мудростью и поучениями, а настоящий поэт, утонченный и яркий. Перед нами опять свободное течение авторской мысли.

На этом примеры “нелогичных” оппозиций не исчерпываются. Например, объясняя причину отъезда отца из эолийской Кимы, Гесиод пишет (636–637):

οὐκ ἄφενος φεύγων οὐδὲ πλοῦτόν τε καὶ ὄλβον,
ἀλλὰ κακὴν πενίην...

(“не от достатка бежав, или богатства, или счастья, /но от ужасной нужды”).

В этой фразе есть логическая неувязка. Указания на тяжелую нужду было бы вполне достаточно для объяснения причины отъезда. Упоминание здесь богатства и счастья является, таким образом, излишним. Сложно предположить, что кто-то может переехать из своего города от чрезмерного достатка и благополучия. Можно посмотреть на фразу и с другой стороны, предположив, что ее первая часть соответствует русскому выражению “не от хорошей жизни”. Тогда ненужной делается вторая часть, потому что странной становится конструкция “бежал не от хорошей жизни, а от плохой”. В этой ситуации достаточно было бы только первой части, которая уже не требует пояснений.

В приведенных выше примерах оппозиции не совсем понятны: не обосновано их положение в тексте или сами они не очень ясны особенно с точки зрения дидактики. Вместе с тем такое построение становится более объяснимым, если считать его последствием намеренной “ритмизации” текста автором.

Важным для определения структуры текста является понимание авторского мировоззрения. Уже почти в самом начале помещается вызывающее у читателя настроение упадка описание пяти веков. Каждый из них хуже предыдущего. И если первые четыре поколения описаны более или менее мягко, то по мере возрастания ὕβρις в последнем веке зло достигает максимальных размеров. Вместе с этим увеличивается в тексте и расположенность к оппозициям. В результате, современное Гесиоду время являет собой ужасную картину повсеместного “раскола” (180–181): “...и ни отец не сходится с детьми, ни дети, / ни гость с хозяином, ни друг с другом”.

Теперь уже все противопоставляется всему: дети — отцам, родственники и друзья — друг другу, борьба хорошего и плохого особенно обострена. Возможно, именно такое видение Гесиодом своего времени является одним из объяснений устройства текста. Характеризуя окружающий мир постоянным всеобщим противостоянием, автор всеми способами заставляет читателя почувствовать это: насыщенные оппозициями вступления, дидактические советы, специально отобранные мифы. Даже “положительная” Эрида у него приводит к тому, что (25–26): “и горшечник горшечнику завидует, и мастеру — мастер, / и бедный на бедного злится, и певец на певца”.

Подобно всему остальному, раскол касается и семьи автора “Грудов и дней”: брат ссорится с братом и посягает на его долю. Гесиод несколько раз намекает на этот конфликт, вводя в начале противоположных друг другу братьев Прометей и Эпиметей, потом в описании железного века и, наконец, советуя (368–369): “...достойная договорная плата пусть будет другу; / и с братом в шутку при свидетелях договаривайся”.

Вместе с тем отношение автора к жизни противоречиво. Если осуждает он свое поколение совершенно однозначно, то некоторые другие его высказывания вызывают вопрос. Например, это касается отношения Гесиода к будущему. Говоря о “железном” веке, он употребляет будущее время. Рассказывая об ужасных нравах, он дает понять, что все это уже есть и будет дальше. В конце этого эпизода Гесиод печально замечает (198–199): “...останутся же беды злосчастные / смертным людям; от зла не будет защиты”.

Казалось бы, картина однозначно бесперспективна. Тем не менее, Гесиод несколько раз предлагает другой исход событий. Прямо в мрачное описание пятого века он вставляет странную фразу (177–179): “...но однако и к этим бедам примешаются блага. / Зевс уничтожит и этот род говорящих людей, / когда они станут рождаться седыми”.

Дальше он снова возвращается к рассказу о нравственном упадке. Создается впечатление, что автор даже для себя не может прийти к окончательному выводу. Окружающая картина пугает его, но он надеется, вернее, хочет надеяться на то, что все когда-либо изменится. В этом он пытается убедить и брата. После достаточно пессимистичной басни о соловье о ястребе, в которой слабому человеку не остается никаких шансов, он вдруг говорит (215–216): “...справедливость над гордостью / в конце концов торжествует”.

Этот пример выводит на очень важную для Гесиода тему: соотношение $\delta\acute{\iota}\kappa\eta$ и $\upsilon\beta\rho\iota\varsigma$ ³. Он не раз задумывается об этом в своем произведении. Истоки $\upsilon\beta\rho\iota\varsigma$ появляются уже в “серебряном” веке, но только сейчас противостояние их достигает максимального напряжения. Дерзкие люди творят всяческие беззакония и этим доводят свой город до разрушения. Гесиод специально останавливается на описании двух городов: города $\delta\acute{\iota}\kappa\eta$ и города $\upsilon\beta\rho\iota\varsigma$. В первом царит счастье, благоденствие, люди живут в достатке и Зевс не посылает им ни печалей, ни войн. Для того же, чтобы на жителей обрушились чума и голод, чтобы весь народ исчез с лица земли, оказывается, достаточно даже одного преступного человека. Зевс может разрушить такой город множеством способов. Вероятно, Гесиод здесь имеет в виду, что таким носителем $\upsilon\beta\rho\iota\varsigma$ является в этой ситуации Перс. Сам же автор соответственно становится обладателем $\delta\acute{\iota}\kappa\eta$. Он обвиняет брата, пытаясь направить его на верный путь. Однако найти этот путь оказывается совсем не просто. Может ли человек исправиться? Зависит ли это от него самого? Рассказывая о веках, Гесиод начинает каждый раз описание со слов типа $\text{Ζεὺς Κρονίδης ποίησε}$ (“Зевс Кронид создал”; напр.: 143–144, 158). Значит, все эти поколения создаются именно богами. В таком случае возникает вопрос: на ком же лежит ответственность за $\upsilon\beta\rho\iota\varsigma$? Самостоятельно ли человек совершает преступление или все это происходит по воле Зевса? По какой причине боги создают каждое новое поколение хуже предыдущего? Возможно, задавая себе эти вопросы, Гесиод и допускает некоторые противоречия в своем тексте. Скорее всего, этим можно объяснить уже упомянутый выше призыв к Зевсу соблюдать справедливость ($\delta\acute{\iota}\kappa\eta \delta' \dot{\iota}\thetaυνε \theta\acute{\epsilon}\mu\iota\sigma\tau\alpha\varsigma \tau\acute{\upsilon}\nu\eta$ [9–10]).

Значительная часть всех оппозиций строится по одинаковой схеме: если провести границу между положительным и отрицательным, то полюсы оппозиции распределяются соответственно каждая на своем поле. Таким образом, обычно А — желательно, В — нежелательно. Таких примеров можно привести очень много. Но Гесиод иногда прибегает и к другой форме. В этом случае А и В оказываются по одну сторону границы, а противопоставляется им некая третья ситуация. Таких конструкций обнаруживается не так уж мало. Например, в сти-

³ Ср. об этом: Ковалева И.И. О композиции “Трудов и Дней” // Индоевропейское языкознание и классическая филология-VII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И.М. Тронского. СПб., 2003. С. 43–45.

хах 214–215 Гесиод пишет: “ведь гордость губительна для маленького человека, и знатный / тоже не легко может выдержать”.

Таким образом, противопоставленные друг другу “маленький” человек и “значительный” оба становятся жертвами свой заносчивости. В другом месте Гесиод говорит о том (458–459), что когда подошло время для пашни, то работать должны “и рабы и ты сам, / сухую или влажную почву пашущий пусть пашет вовремя”.

Здесь сразу две оппозиции: слуги и хозяин, сухая и влажная почва. Как и в предыдущем примере, они на самом деле не противопоставляются друг другу. Наоборот — работают все и независимо от состояния земли.

Иногда в такой конструкции появляется еще и четко обозначенная третья величина: это середина. Она обычно становится тем лучшим вариантом, которому противостоят крайности (714): “...ни чересчур гостеприимным, ни негостеприимным не называйся”.

Автор здесь предпочитает промежуточный вариант, советует находить компромисс. Вообще идея “золотой середины” является невероятно важной для Гесиода. В связи с его представлением о современном мире — расколотом, резко поделенном на плохое и хорошее — он чувствует необходимость найти выход. Решение этой проблемы он видит именно в нахождении середины. Сентенция о вине в бочке точно формулирует эту мысль (368–369):

Ἄρχομένου δὲ πίθου καὶ λήγοντος κορέσασθαι,
μεσσοῦθι φείδεσθαι· δειλὴ δ' ἐν πυθμένι φειδώ.

(“Пей себе вволю, когда начата иль кончается бочка, / будь на середке умерен; у дна же смешна бережливость” [пер. В.В. Вересаева]).

Этот пример ясно формулирует одну из главных идей Гесиода: “золотая середина”. К этой мысли его приводит борьба с крайностями, которыми так наполнен “железный” век. Жесткость разграничения всего по полюсам заставляет Гесиода стремиться к середине, к мере, к размеренности. Эта идея проходит через все произведение. Иногда автор открыто высказывает ее (693): “соблюдай меру; лучше всего все делать вовремя”.

Распределяя все так точно по дням, он пытается привести жизнь хоть к какому-то порядку.

Обращаясь к Персу, автор чаще называет его просто по имени, но несколько раз встречаются и эпитеты. Их всего два. Это νήπιος (или как вариант: μέγα νήπιος), который встречается несколько раз (286, 633), и δῖον γένος, употребленное только однажды (299). Первое слово Гесиод употребляет, говоря о людях, поступающих неправильно. Например, в стихе 40 (νήπιοι, οὐδὲ ἴσασι ὄσω πλέον ἤμισυ παντός: “глупые, и не знают, насколько больше всего поло-

вина”), или в 456 стихе (νήπιος, οὐδὲ τὸ οἶδι: “глупец, и этого он не знает”). Если можно представить, что в обращениях к брату слово употреблено в более мягком значении: “малолетний, по детски глупый, неопытный”, то в остальных контекстах это маловероятно. В своем переводе Вересаев подчеркивает такую разницу значений, передавая νήπιος то как “безрассудный”, когда это обращено к Персу, то как “дурень” (“дурни не знают...”, “иль не знает он, дурень?”). Относительно второго эпитета существуют различные точки зрения. Например, Грегори Надь пишет об упоминавшемся с пятого века имени отца Гесиода — Δῖος, и представляет Перса как носителя воли Зевса, разрушающего города за их ὑβρις⁴. В.Н. Ярхо же считает это просто “ироническим обращением к обедневшему брату”⁵. В любом случае, на противоположность этих двух эпитетов нельзя не обратить внимание. Характерно и то, что никаких других эпитетов не употребляется, чем подчеркиваются именно эти два. Кроме того, имеет смысл отметить и те слова, которыми Гесиод характеризует людей вообще. Очень часто для их определения он использует слова βροτός/θνητός — “смертный” (напр.: [для βροτός] 3, 15, 24, 93; [для θνητός] 88, 103, 108, 123), и μέροψ — “говорящий членораздельно” (109, 143, 180). Эти эпитеты являются традиционными, и на них, возможно, ориентировался Гесиод, выбирая определения для Перса. В таком случае “божественному роду” (δίου γένος) соответствует “смертный” (βροτός/θνητός), а “неразумному” (νήπιος) — “говорящие” (μέροψ). Оба последних слова происходят от корня, связанного с идеей говорения (ὄψ, ἔπος) И хотя такой эпитет людей является традиционным, и νήπιος давно отошло от своего исходного значения “не говорящий”, важно отметить выбор именно этого сочетания слов, носящих в каждой паре определенно противоположные значения. С помощью этого Гесиод как бы отделяет Перса от всех остальных людей, хотя подобное поведение свойственно людям “железного века”, что неоднократно подчеркивается на протяжении всего произведения. Значит, не это причина такого отделения Перса. Скорее, дело здесь опять в том же расколе во всем и между всеми, который Гесиод так последовательно демонстрирует.

Говоря о ТД, нельзя не сказать и о стиле всего произведения. В каком-то смысле он тоже оппозиционален. Гомеровский язык, торжественный и возвышенный, характерный прежде всего для эпоса, используется здесь для подробного описания порядка сельскохозяйственных работ. Обыденная жизнь беотийского крестьянина получает, таким образом, более торжественное освещение, становится значительнее. Соединяя прозаические, житейские мудрости с эпическим языком, Гесиод создает особое произведение. И хотя возвышенный стиль эпоса, перенесенный на бытовую почву, в нем несколько снижается, зато возрастают значения дидактических советов. Здесь можно опять вспомнить вступление, где,

⁴ Надь Г. Греческая мифология и поэтика / Пер. Н.П. Гринцера. М., 2002. С. 107.

⁵ Ярхо В.Н. Гесиод. Полное собрание текстов. М., 2001. С. 223.

как уже было сказано, автор проводит некую параллель между собой и Зевсом, указывая на способность поэта понижать и повышать.

Образ самого Гесиода оказывается намного сложнее, чем это может показаться на первый взгляд. С одной стороны, он предстает перед читателем как образцовый крестьянин, знающий до последних мелочей тонкости ведения хозяйства и ставящий своей целью приобретение и сохранение богатства. Вместе с тем, у автора есть и другая — не менее важная — сторона. Он — поэт, получивший свой дар от муз (ср.: *Theog.* 1–52). Гесиод даже не рядовой поэт, а гораздо более значительный: знающий мысли самого Зевса. Таким образом, мудрость его сильно выходит за рамки простой крестьянской мудрости. Особенно это становится понятно, если внимательно присмотреться к жанровым особенностям всего произведения. Хотя чисто дидактические наставления и составляют весьма значительную часть, кроме них в тексте есть значительный мифологический пласт, который автор свободно использует для подтверждения своих мыслей. Отдельно существует в тексте совершенно законченная басня (202–212). У нее есть и вступление, обращенное к царям (202), и характерный сюжет (203–209), и типичная для басни сформулированная мораль (210–211). Уже в самом начале произведения Гесиод использует поговорку (25): καὶ κέραμεύς κέραμεϊ κότεῖσι (“зависть питает гончар к гончару”). Многие другие его наставления также напоминают поговорки.

Автором часто употребляются иносказания. Например, ἀνόστειος (“бескостный” — полип [524]), τρίπους (“трехногий” — старик [533]), φερέοικος (“домоносец” — улитка [571]), ἡμερόκοιτος ἀνὴρ (“спящий днем человек” — вор [605]) и др. Подобная табуированность более характерна, скорее, для сакрального текста, например, для оракула. Об этом, в частности, пишет и М. Вест⁶, также обращая внимание на выражение ἀλλ’ ὅπ’ ἄν (“но всякий раз...” [571]), которое часто встречается в оракулах.

Таким образом, перед нами вырисовывается сложное сочетание двух пластов, которые обобщенно можно назвать “бытовым” и “поэтическим”. Гесиод находит для них очень точное сочетание. Пропорция такова, что ни один из них не перевешивает другой, а только дополняет. Соединение таких двух областей приводит к еще одной оппозиции: материальное и нематериальное. Круг тем наставлений охватывает и то, и другое. Часть советов предельно конкретна. Они касаются таких мелочей как нитки на ткани плаща, смешивание вина, устройство плуга и т. п. Другие же носят нравственный характер: отношения с друзьями, соседями, призыв к трудолюбию и честности и др. Некоторые советы вполне понятны и легко объяснимы. Автор исходит из соображений реальной пользы и удобства. Зато иногда наставления объясняются только традицией и определенными религиозными правилами. Гесиод соединяет в своем произведении разные категории

⁶ West M.L. *Hesiod: Works and Days*. Oxford, 1987. P. 302.

советов. Для него все они стоят наравне, и он не делает между ними различий. Каждый совет важен независимо от того, касается он материальной сферы или нематериальной. В связи с этим интересно посмотреть на функцию всего произведения в целом. Конфликт между братьями произошел из-за раздела земли, и Перс, пришедший после этого к Гесиоду, или требует нового раздела имущества, или просто помощи. Промотав свою долю, он впал в бедность и ему не на что жить. В ответ же на свои притязания он получает не то, за чем пришел. Брат, видимо, не дает ему ничего кроме поэмы, цель которой, однако, — привести Перса к благосостоянию. В данной ситуации поэтический текст должен заменить собой физическую помощь, и Гесиоду такая замена кажется адекватной.

В результате можно сказать, что уже с самого начала задав тему оппозиций, автор разрабатывает ее на всех уровнях: от словосочетаний до основы сюжета. Вводя в текст такое значительное количество противопоставлений, Гесиод, таким образом, воздействует на читателя, внушая ему свою концепцию. Оппозиции отражают мировоззрение автора, его жизненную позицию. В создании картины современного поколения с помощью этого приема Гесиод добивается эффекта общей “раздробленности”. Даже сами оппозиции в свою очередь как бы противопоставляются друг другу: относятся к материальной или не материальной сфере, охватывают одну строчку или все произведение и т. п. Образ Гесиода становится более глубоким, даже несколько трагическим и “живым” именно благодаря оппозициям.

Решетникова А.В. (Саратов)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МИССИЯ ГОРГИЯ В АФИНЫ 427 Г ДО Н. Э.

Часто деятельность эллинских ораторов не ограничивалась лишь преподавательской практикой или подготовкой речей для каких-либо частных лиц. Нередко ораторы попадали в круговорот политической жизни своего государства или города¹. Так и леонтинский ритор Горгий², большую часть жизни зарабатывавший обучением молодых людей искусству красноречия, оказался в центре событий — трагических для его родного города Леонтины в 427 г. до н. э. От него и его умения красиво говорить зависела дальнейшая судьба Леонтин и союзных им городов³.

Речь идет о том времени, когда леонтинцы, бывшие переселенцами из Халкиды, родственные афинянам, подверглись нападению со стороны сиракузян (Diod. XII.53.1). Жители Леонтин, теснимые неприятелем вследствие его подавляющего превосходства, перед лицом прямой опасности быть завоеванными, отправили послов в Афины, чтобы попросить у афинского народа скорейшей помощи и спасения своего города от нависшей угрозы.

Горгий был направлен в Афины во главе посольства (τῶν ἀπεσταλμένων ἀρχιπερσεβευτῆς [Diod. XII.53.2]) как человек наиболее способный из всех леонтинцев к общественной деятельности (ὡς ἰκανώτατος ὢν Λεοντίων τὰ κοινὰ πρᾶττειν [Plat. Hipp. mai. 282 b]). Прибыв в Афины и явившись в народное собрание, он держал речь перед афинянами, прося их о военной помощи, и поразил их оригинальностью своего способа выражения (Diod. XII.53.3), а именно, произнес речь поэтическую фигуральную (ἡ ποιητικὴ τε καὶ τροπικὴ φράσις [Dion. Hal. De Lys. 3]), т. е. употребляя различные приемы: антитезы, исоколы, парисы и др. Эта речь, благодаря своей новизне, имела успех у слушателей. Наконец, убедив афинян оказать леонтинцам помощь и вызвав в Афинах

¹ Для ораторов было характерно заниматься политической деятельностью. Так, к примеру, старший из аттических риторов, вошедший в “канон” десяти ораторов, Антифонт (480–411 гг. до н. э.) был крупным политическим деятелем олигархической партии. Андокид (440–390 гг. до н. э.) принимал участие в общественных делах, хотя часто попадал в опалу (Борухович В.Г. Ораторское искусство Древней Греции // Ораторы Греции. М., 1985. С. 5–24). Исократ (436–338 гг. до н. э.) всю свою жизнь пытался влиять на общественное мнение при помощи написанных им речей. Созданная им школа была чем-то вроде политического кружка с идеями и настроениями, враждебными афинской демократии (см.: Исаева В.И. Античная Греция в зеркале риторики. Исократ. М., 1994).

² Об общественно-политической жизни Горгия до 427 г. до н. э. нельзя ничего сказать, т. к. в источниках нет свидетельств об этом. Однако позднее, вернувшись в Грецию, оратор принимал активное участие в ее общественной жизни.

³ В войне между Сиракузами и Леонтинами союзниками сиракузян были все дорийские города (кроме города Камарины), которые присоединились к лакедемонскому союзу сразу же после начала войны, хотя и не принимали в ней участия. На сторону же леонтинцев встали халкидские города и Камарины (Thuc. III.86.2).

восторг своим ораторским искусством, Горгий возвратился в Леонтины (Diod. XII.53.5).

История первой сицилийской экспедиции, которая пустилась в плавание из Афин поздним летом 427 г. до н. э. под предводительством Лахета и Хареада и была усилена зимой 426 г., хорошо освещена в источниках. Фукидид сообщает о предпринятых в ее ходе действиях⁴, причем итог похода афинян был если и не неудачным, то, по крайней мере, неудовлетворительным⁵. Лахет достиг очень малого, поскольку имел в своем распоряжении всего двадцать кораблей. Заведомо понятно, что он и не мог бы достичь большего. К тому же несколько позже леонтинцы, ставшие тяготиться присутствием афинян, заключили мир с сиракузянами, сделав тем самым бесполезным присутствие аттических триер. Но сразу после того, как афинский флот покинул остров, сиракузяне оккупировали Леонтины, переселили их население в Сиракузы, а захваченный город занял военный гарнизон.

Мотивы, побудившие афинян послать эту экспедицию, четко видны в повествовании Фукидида, где говорится:

καὶ ἔπεμψαν οἱ Ἀθηναῖοι τῆς μὲν οἰκειότητος προφάσει, βουλόμενοι δὲ μήτε σῆτον ἐς τὴν Πελοπόννησον ἄγεσθαι αὐτόθεν πρόπειράν τε ποιοῦμενοι εἰ σφίσι δυνατὰ εἶη τὰ ἐν τῇ Σικελίᾳ πράγματα ὑποχείρια γεινέσθαι

(“афиняне послали эскадру под предлогом старинной дружбы, а на самом деле — чтобы отрезать подвоз оттуда хлеба в Пелопоннес и чтобы выяснить одновременно, не удастся ли захватить Сицилию” [Thuc. III.86.4, пер. Г.А. Стратановского]).

Прошение должно было быть обсуждено в коллегии стратегов, в буле и в экклесии. Эти дискуссии почти наверняка и были тем источником, из которого Фукидид почерпнул информацию о настоящих целях афинян в Сицилии, одну из которых следует считать оборонительной, другую — наступательной.

Первую причину — прекращение отгрузки зерна в Пелопоннес — поддерживали многие афиняне и, возможно, это оказало определенное влияние на решение вопроса. Таким образом, экспедиция являлась прямым продолжением стратегии Перикла⁶. Вторая же причина — проверить возможность и выполнимость захва-

⁴ Thuc. III.86; 88; 90; 103; 115; IV.I; 24; 25; 58. Повествование Фукидида о первой сицилийской экспедиции состоит из отдельных фрагментов, иногда неупорядоченных. Историк в этом случае отказывается от подробного изложения и ограничивается описанием только основных событий этой кампании.

⁵ Ср.: *Garnons Williams B.H. The Political Mission of Gorgias to Athens in 427 B. C. // CQ. 1931. Vol. 25. P. 52.*

⁶ В 430-е гг. афинская внешняя политика осуществляется в русле стратегии Перикла — совершались морские рейды на прибрежные районы Пелопоннеса. Их цель заключалась в демон-

та Сицилии — выдвигалась оппозицией, стремившейся быстрее завоевать популярность и поддержку, выступая за более агрессивную стратегию. Решение послать в Сицилию флот размером всего в двадцать кораблей — некий компромисс, являющийся ярким примером слабости афинской демократии этого времени, когда государству недоставало яркого и сильного лидера. Военная экспедиция в Сицилию была, очевидно, одобрена большинством афинян с той оговоркой, что из-за трудной ситуации, сложившейся дома, это мероприятие должно быть проведено в скромных масштабах. Возможно, в этом решении найден компромисс между теми, кто желал послать большой флот, и теми, кто считал, что его вообще не надо посылать. Раскол мнений между различными слоями населения, чьи представления о дальнейшем ходе войны противоречили друг другу, в этом случае был удачно замаскирован официально объявленной альтруистической целью защиты союзников от неприятеля.

О непосредственной деятельности Горгия в Афинах можно узнать лишь обратившись к художественным произведениям, а именно к комедиям Аристофана. Самой существенной чертой творческого облика афинского комедиографа, как известно, является его общественная активность. Сам Аристофан не раз говорил в своих комедиях о том, как он представляет себе роль поэта в общественной жизни страны (*Achar.* 655–658):

ὡς κωμῶδήσει τὰ δίκαια.
 Φησὶν δ' ὑμᾶς πολλὰ διδάξειν ἀγάθ', ὥστ' εὐδαίμονας εἶναι,
 οὐ θωπεύων οὐδ' ὑποτείνων μισθοὺς οὐδ' ἔξαπατύλλων,
 οὐδὲ πανουργῶν οὐδὲ κατάρδων, ἀλλὰ τὰ βέλτιστα διδάσκων⁷.

Достоверно известно, что его вторая комедия — “Вавилоняне”, — поставленная с огромным успехом на Великих Дионисиях в 426 г. до н. э., была посвящена взаимоотношениям между афинянами и их союзниками. И именно в этой комедии, можно предположить, упоминается непосредственно о посольстве Горгия и его выступлении в народном собрании, поскольку вряд ли Аристофан мог проигнорировать пример такого сильного воздействия на афинян речи, причем речи чужеземца (*ξενικός λόγος*) на народ, одаренный красноречием от природы и любящий слово. Однако здесь можно только строить догадки, так как, к со-

страции сил, попытке вызвать панику в лагере противника, а также затруднить поставку продовольствия.

7

“Он расскажет в комедии правду.

Он берется хорошему вас научить, чтобы вечно вы счастливы были.

Он не станет вам льстить, мзды не станет сулить, не захочет ни лжи, ни обмана,

Он не будет хитрить и чрезмерно хвалить, он хорошему граждан научит.”

(Пер. С. Апта).

жалению, сохранившиеся фрагменты “Вавилонян” не могут предоставить тому никаких доказательств.

Однако у Аристофана есть косвенная ссылка на выступление оратора перед народным собранием в парабазисе⁸ комедии “Ахарняне” (633–41):

Φησὶν δ' εἶναι πολλῶν ἀγαθῶν αἴτιος ὑμῖν ὁ ποιητής,
παύσας ὑμᾶς ξενικοῖσι λόγοις μὴ λίαν ἐξαπατᾶσθαι,
μήθ' ἦδεσθαι θωπευομένους, μήτ' εἶναι χαυνοπολίτας.
Πρότερον δ' ὑμᾶς ἀπὸ τῶν πόλεων οἱ πρέσβεις ἐξαπατῶντες
πρῶτον μὲν ἰσοτεφάνους ἐκάλουν· κάπειδῆ τοῦτό τις εἶποι,
εὐθύς διὰ τοὺς στεφάνους ἐπ' ἄκρων τῶν πυγιδίων ἐκάθησθε.
Εἰ δέ τις ὑμᾶς ὑποθωπεύσας λιπαρὰς καλέσειεν Ἀθήνας,
ἦῤετο πᾶν ἂν διὰ τὰς λιπαρὰς, ἀφύων τιμὴν περιάψας.
Ταῦτα ποιήσας πολλῶν ἀγαθῶν αἴτιος ὑμῖν γεγένηται⁹.

В подтверждение того, что в приведенном сюжете подразумеваются именно события, относящиеся к первой сицилийской экспедиции афинян, необходимо принять во внимание, что в тот промежуток времени, когда были написаны комедии “Вавилоняне” и “Ахарняне”, т. е. между месяцем элафеболионом (вторая половина марта — первая половина апреля) 426 г. и месяцем гамелионом (вторая половина января — первая половина февраля) 425 г. нет ни одного свидетельства об обращении в Афины иностранных посольств.

В пользу того, что в приведенном фрагменте подразумевается обращение именно Горгия Леонтинского к народному собранию афинян, также говорит и более тщательное рассмотрение самого текста. Из контекста отрывка понятно, что автор не дружелюбно настроен по отношению к выступившему когда-то и склонившему собрание к какому-то решению оратору. Аристофан известен своим благожелательным отношением к политике Перикла и ярким неприятием каких-либо нововведений, особенно в том, что касается литературы¹⁰. Горгий же пер-

⁸ Парабазис – важнейшая партия хора, обращенная непосредственно к зрителям и чаще всего не связанная с сюжетом комедии, своеобразное лирическое или публицистическое кредо автора, где поэт рассказывал о себе, обсуждал волнующие политические вопросы.

⁹ “Утверждает поэт, что немалые он перед вами имеет заслуги.

Это он научил, чтоб не верили вы чужеземца неверному слову,

Чтоб с восторгом не слушали льстивую речь, не зевали за делом гражданским.

Прежде было нетрудно послам городов обмануть вас, начав с обращения:

“О фиалковенчанские!” Стоило лишь услышать вам приятное слово

О венках и фиалках – и в этот же миг вам уже не сиделось на месте.

Или если какой-нибудь ласковый льстец говорил о “блестящих Афинах”,

Он всего добивался от граждан, хотя и селедка бывает блестящей.

Вот заслуги учителя. Множеством благ вы обязаны слову поэта.”

(Пер. С. Апта).

¹⁰ Ярхо В.Н. Комедии Аристофана // Аристофан. Комедии. Т. 1. С. 9–28. Особенно ярко Аристофан выступает против демагогов и лидеров радикальной демократии, пришедших к власти в первые годы Пелопонесской войны. Что касается творчества, то только в конце своего творческого пути комедиограф сумел порвать со старой традиционной формой и нащупать пути для

вым стал употреблять фигуры, а именно антитезы, исоколы, паризы, одинаковые окончания и некоторые другие приемы в том же роде (πρώτος γὰρ ἐχρήσατο τοῖς τῆς λέξεως σχηματισμοῖς περιττοτέροις καὶ τῇ φιλοτεχνίᾳ διαφέρουσιν, ἀντιθέτοις καὶ ἰσοκώλοις καὶ παρίσοις καὶ ὁμοιοτελεύτοις καὶ τισὶν ἐτέροις τοιούτοις [Diod. XII.53.4]).

В 634 стихе “Ахарнян” Аристофан утверждает, что он действительно оставил граждан перед заблуждением, навеванным силой чужеземного слова (παύσας ὑμᾶς ξενικοῖσι λόγοις μὴ λίαν ἐξαπατάσθαι) и предупреждает афинян не обманываться впредь, приводя в пример выражение, которое, скорее всего, мог использовать Горгий в обращении к народному собранию: οἱ ἰοστεφάνοι¹¹ — “фиалковенчаные”. Этот эпитет вполне мог использоваться оратором для получения благосклонности со стороны афинского собрания. Предположение основывается на том, что “блестящий” стиль речи, основанный на лести, характерен для леонтинского ратора и применение различных ярких эпитетов встречается в его ораторской практике. Однако Горгий иногда оказывается осужденным за такие вольности. Так, у ратора Афанасия Александрийского говорится: “в “Надгробном слове”, не будучи в состоянии по требованию стиля сказать просто “коршуны”, употребил выражение “живые могилы”” (ἐν τῷ Ἐπιταφίῳ αὐτοῦ οὐκ ἰσχύων γῦπας εἰπεῖν ζῶντας εἴρηκε τάφους. [Athan. Alexandr. XIV.180.9 = Gorgias frag. 5a Diels–Kranz])¹².

Кроме того, Аристофан использует сравнение, целью которого, возможно, является разоблачение специфического приема оратора, такого как паромия¹³. Комедиограф наряду с выражением “блестящие Афины” (λιπαρὰς Ἀθήνας) приводит выражение о блестящих селедках (ἡῦρετο πᾶν ἄν διὰ τὰς λιπαράς, ἀφύων)¹⁴. Естественно, Горгий мог и не использовать такие приемы в своей речи или использовать их очень осторожно, учитывая ответственность своей мис-

овладения новой художественной формой, способной полнее выразить особенности нового этапа развития общества.

¹¹ “Фиалковенчаные” — традиционный эпитет Афин, восходящий, по-видимому, еще к древнегреческому лирическому поэту Пиндару (ὦ ταῖ λιπαραὶ καὶ ἰοστεφάνοι καὶ ἀοίδιμοι [frag. 76 H. Maehler]).

¹² Ср.: “так осмеиваются выражения Горгия Леонтинского, пишущего: “Ксеркс, Зевс персов” и “Коршуны, одушевленные могилы”” (ταύτη καὶ τὰ τοῦ Λεοντίνου Γοργίου γελᾶται γράφοντος Ἐέρξης ὁ τῶν Περσῶν Ζεὺς καὶ Γῦπες ἔμψυχοι τάφοι [Longin. π. ὕψους. 3.2 = Gorgias frag. B 1 Diels–Kranz]).

¹³ Прием, при котором используются слова схожие по звучанию (от греч. παρόμοιος “довольно похожий, сходный”). Цицерон в “Ораторе” пишет: “забота о том, чтобы словам соответствовали слова одинаковой длины, как бы вровень отмеренные, чтобы нередко сближались несхожие и сопоставлялись противоположные понятия и чтобы окончания фраз, сходным образом закрутясь, давали сходный звук” (*Orator.* 38 [пер. Т.А. Миллер]).

¹⁴ Прилагательное λιπαρός используется Пиндаром по отношению к Афинам в смысле “богатый”, “пышный”, “цветущий”. Аристофан же говорит еще о селедке, поскольку λιπαρός также означает “жирный”, “маслянистый”.

сии¹⁵. Тем не менее, Аристофан обвиняет оратора в том, что последний, обольстив наивных граждан (χαλιπολίτας) Афин приятным словом, которое вполне могло оказаться насмешкой, приобрел некую выгоду.

Итак, основываясь на отрывке из парабазиса комедии “Ахарняне” можно предположить, что Горгий, выступая и применяя различные приемы в своей речи перед афинянами, народом, который был одарен красноречием и любил слово, определенным образом повлиял на исход решения афинян. Хотя была отправлена экспедиция всего из двадцати кораблей, но, учитывая сложность внутривнутриполитической обстановки в Афинах, большего Горгий и не мог добиться. Косвенным подтверждением того, что миссия для леонтинца оказалась удачной, является тот факт, что в скором времени оратор возвращается в Грецию, где и проводит остаток своей долгой жизни, найдя в Элладе благодарных слушателей и учеников.

¹⁵ Цицерон в “Ораторе” обвиняет Горгия, что тот пользовался различными ораторскими приемами неумеренно (“sed iis est usus intemperantius” [175]).

С. В. Семенов (Самара)

КРИТСКИЙ СТАРТОС: РОД, ФИЛА ИЛИ ВОЕННЫЙ СОЮЗ?

Вопрос о “стартах” является одним из ключевых для понимания политического устройства Гортины — в V в. до н. э. крупнейшего наряду с Кноссом полиса центральной части Крита. Аристотель, рассказывая в “Политике” о критском институте власти, коллегии космов, утверждает, что должность косма является выборной, но избирают этих должностных лиц не из всех граждан, а из определенных родов (ἐκ τινῶν γενῶν [Arist. Pol. 1272a]). Однако в знаменитом Гортинском законодательстве, относящемся к середине V в. до н. э., имеется четкое указание на то, что космов — по крайней мере, в Гортине — избирали не из родов, а из “стартов” (*Inscr. Cret.* IV.72 V.5–6: ὅκ’ ὁ Αἰθ[α]λεὺς [σ]τάρτος ἐκόσμων). Пытаясь примирить сообщение Аристотеля с данными эпиграфики, некоторые исследователи склонны видеть в упоминаемом в Гортинских законах στάρτος Эталеев именно род¹. В ряде надписей более позднего периода (III–II вв. до н. э.), причем не только из Гортины (*Inscr. Cret.* IV.197), но и из Кносса (*Inscr. Cret.* I.XVI.3), а также Дероса (*Inscr. Cret.* I.IX.1A), фигурирует фила Эталеев. Отсюда следует, что στάρτος, возможно, является подразделением филы. Но род ли это? Скорее всего, нет. Во-первых, не представляется возможным объяснить, почему в прескриптах критских надписей (например, в уже упоминавшейся гортинской надписи [*Inscr. Cret.* IV.197]) наряду с названием предполагаемого рода Эталеев встречаются также названия основных дорийских фил². Во-вторых, род как таковой ни разу не упоминается, хотя, судя по контексту некоторых мест, зачастую подразумевается в Гортинских законах. Более того, члены коллегии космов судили только те дела, которые затрагивали именно интересы филы (*Inscr. Cret.* IV.72.VIII.55). Все это говорит, скорее, в пользу теории “старт–фила”, чем “старт–род”.

По-видимому, исходя из подобных соображений, а также основываясь на тексте одной довольно поздней надписи из Литта II–III вв. н. э., Ю.В. Андреев пришел к выводу о тождественности филы и старта³. В надписи говорится о раздаче денег на праздники Теодесий и Велханий (*Inscr. Cret.* I.XVIII.11), причем в первом случае деньги взимаются со старта, а во втором — с фил. На наш взгляд, текст надписи не дает достаточных оснований для отождествления старта с филими. Совершенно очевидно, что налицо две выдачи из разных источников: денег старта и денег фил, а не одна выдача, повторенная дважды, как счи-

¹ Willets R. F. Aristocratic Society in Ancient Crete. London, 1955. P. 28–29.

² В частности, в той же надписи фигурируют Δυμάων.

³ Андреев Ю.В. Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). СПб., 2004. С. 144–145.

тал Ю.В. Андреев⁴. Кроме того, вряд ли правомерно распространять сведения, касающиеся столь позднего времени, т. е. II–III вв. н. э., на V в. до н. э. За несколько столетий старт, как и фила, мог претерпеть значительные изменения. Так, С. Спиридакис убедительно доказывает, что ко II в. до н. э. филы некоторых критских полисов уже представляли собой территориальные, а не родовые объединения⁵. В свою очередь, П. Перлман пытается показать, что старт Эталева в Гортинском законодательстве как раз и представлял собой подобное территориальное объединение в отличие от традиционных родовых дорийских фил⁶.

Последнее утверждение не имеет под собой сколько-нибудь серьезных оснований. В Гортинском законодательстве присутствует именно родовая фила, о чем недвусмысленно свидетельствуют законы о дочерях-наследницах (*Inscr. Cret.* IV.72.VII.15–VIII.19), где можно видеть, что членами филы являются близкие и дальние родственники⁷. Таким образом, более предпочтительным выглядит вывод Ю.В. Андреева о том, что старт и фила в критских надписях являются синонимами.

Однако в нашем распоряжении имеются еще два источника: гортинская надпись первой половины V в. до н. э. (*Inscr. Cret.* IV.80) и глосса в “Лексиконе” Гесихия (*Hesych.* s. v. στάρτοι). Странно, но ни Л.Н. Казаманова, ни Ю.В. Андреев, ни П. Перлман, разбирая вопрос о критских стартах, не обращались к тексту упомянутой надписи из Гортины. Между тем, в этом документе, содержащем текст договора между Гортиной и Риттенией, фигурирует должность “стартагета” (σταρταγέτας). Более того, из надписи следует, что при посещении гортинскими стартагетом и космом Риттении оба они могли вмешиваться в дела управления этим полисом (*Inscr. Cret.* IV.80.4–6).

В свое время Ф. Халбхер, анализируя данную надпись, отмечал, что σταρταγέτας можно сравнить с πολέμαρχος⁸. Действительно, σταρταγέτας мог иметь полномочия στρατηγός. Если же учесть, что стартагет явно был наделен полномочиями косма и, скорее всего, входил в состав коллегии космов, являющейся высшей магистратурой в Гортине, то предположение Халбхера не лишено оснований. С другой стороны, этот же исследователь не исключает возможность иного объяснения: гортинский стартагет мог быть просто главой (ἀρχός) старта, подобно тому, как существовали главы агел, андрий и фил⁹.

В дальнейшем получила развитие первая из упомянутых гипотез. Г. Бузольт и Э. Кирстен, опираясь на текст Гесихия (στάρτοι· αἱ τάξεις τοῦ πλήθους),

⁴ Андреев Ю.В. Мужские союзы... С. 144–145.

⁵ Spyridakis S. V. *Cretica: Studies on Ancient Crete*. New Rochelle; N. Y., 1992. P. 150.

⁶ Perlman P. One Hundred-Cityed Crete and the “Cretan Politeia” // *CP*. 1992. Vol. 87. P. 196.

⁷ См. подробнее: Казаманова Л. Н. К вопросу о семье и наследственном праве на Крите в VI–V вв. до н. э. // *ВДИ*. 1960. № 4. С. 48–49.

⁸ Halbherr F. *Cretan Expedition III. Epigraphical Researches in Gortyna* // *AJA*. 1897. Vol. I. P. 208 (№ 23).

⁹ *Ibid.*

делают вывод, что *σταρτός* — это часть филы, включающая в свой состав всех взрослых военнообязанных мужчин¹⁰. В таком случае, при избрании космов из старта Эталеев, фигурирующего в Гортинском законодательстве, стартагет, естественно, вступал в должность косма-полемарха. На наш взгляд, указание на то, что старт является мужским военным союзом, содержится и в договоре Гортины с Риттенией. Р. Уиллетс показал (и мы разделяем его мнение), что данный договор не является соглашением равноправных союзников¹¹. Наоборот, жители Риттении оказываются в подчиненном положении по отношению к гортинцам. Это становится очевидным, если учесть официально закрепленное право гортинских космов вмешиваться в управление соседним полисом. Возможность подобных действий со стороны космов Риттении в договоре не зафиксирована. По нашему мнению, такого рода подчинение могло состояться или под угрозой применения военной силы, или же быть результатом ее реального применения. В любом случае, именно зависимое положение Риттении, на наш взгляд, объясняет вмешательство в дела управления полисом гортинского стартагета в качестве военного предводителя. Отсюда находит объяснение и выплата некой компенсации Риттении в размере одной драхмы, производимой гортинским *σταρτός*, по-видимому, как раз за участие в управлении (*Inscr. Cret. IV.80.6–7*); т. е. старт в данном случае выступает как военный союз определенной гортинской филы, из членов которого были избраны космы, в том числе и стартагет-полемарх.

Что касается другой гипотезы Халбхера, согласно которой *σταρταγέτας* — это лишь глава *σταρτός* и не более того, то она, по нашему мнению, недостаточно убедительно объясняет присутствие *σταρταγέτας* в тексте договора Гортины с Риттенией.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно заключить, что гортинский *σταρτός*, вероятнее всего, представлял собой мужской военный союз как часть филы, во главе которого стоял *σταρταγέτας*. По-видимому, именно из этих союзов и избирались гортинские космы. Предположение о тождественности старта роду является маловероятным. Стремление же некоторых исследователей показать, что старт равнозначен филе, наталкивается на неразрешимые для нынешнего состояния источников трудности.

¹⁰ *Busolt G., Swoboda H. Griechische Staatskunde. München, 1926. Bd. II. S. 745; Kirsten E. Die Insel Kreta im fünften und vierten Jahrhundert. Würzburg, 1936. S. 152.*

¹¹ *Willets R.F. Op. cit. P. 111.*

Руденко М.Н. (Астрахань)

ЗАВОЕВАТЕЛЬНЫЕ ПЛАНЫ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО В 325– 323 ГГ. ДО Н. Э.

Очень важным и интересным представляется вопрос о том, какие дальнейшие завоевательные цели влекли Александра после возвращения из Индии в Вавилон и завершения Восточного похода. Традиция предлагает несколько ответов и нашей задачей является, проанализировав все факты, выявить наиболее правдоподобный из них.

Диодор Сицилийский информирует о масштабных планах завоевания Западного Средиземноморья, включавших вначале покорение Карфагенской державы и всей Северной Африки, а затем и Западной Европы (Diod. XVIII.4.2–5). Эти данные в целом пользовались доверием современных исследователей, особенно немецких¹. Однако сомнение высказал У. Тарн, считавший, что Диодор использовал позднюю, романтическую традицию. Соответственно, и Западный поход английский историк назвал поздней фальсификацией (“late forgery”)². Но Тарн идет еще дальше, пытаясь аргументировать отсутствие у Александра планов мирового господства как таковых, о чем, по его мнению, может свидетельствовать, в частности, неприятие им многозначительного титула Ахеменидов “царь царей”. Приписанное Александру стремление к захвату всей ойкумены не более чем легенда, возникшая как следствие провозглашения его египетским фараоном, которому Амон обещал власть над всей землей, что было, однако, лишь формальностью³.

Строго говоря, у нас действительно нет прямых доказательств глобальных планов Александра, но все, что известно о его личности, заставляет предполагать нежелание македонского царя успокоиться на достигнутом, ведь завоевания были смыслом его жизни. Эту личностную составляющую нельзя сбрасывать со счетов⁴. Совершенно правомерной представляется и критика взглядов У. Тарна Ч. Робинсоном, касающаяся того, что обоснование недостоверности традиции о походе на запад, еще не повод отвергать планы мирового господства в целом⁵.

Тем более, в источниках встречается еще одна версия, утверждающая наличие у Александра смелого замысла Западного похода, где речь шла о плавании вокруг Африки и последующем подчинении земель на западе (Arr. *Anab.* IV.7.5; V.26.2; VII.1.2; Plut. *Alex.* LXVIII). Настойчивость такого достоверного автора

¹ Садьков М.И. Международные отношения и дипломатия в Западном Средиземноморье в 323–264 гг. Казань, 2003. С. 32; Шахермайер Ф. Александр Македонский. Ростов на Дону, 1996. С. 497–499.

² Tarn W.W. Alexander: Conquest of the Far East // САН¹. 1953 (repr.). Vol. 6. P. 423.

³ *Ibidem.* P. 423.

⁴ Brunt P.A. The Aims of Alexander // GR. 1965. Vol. 12. № 2. P. 212.

⁵ См.: Robinson Ch. Rec. on Tarn W.W. Alexander the Great // AJP. 1949. Vol. LXX. P. 200.

как Арриан, трижды упоминающего в различных местах этот план, требует внимательно отнестись к данному вопросу. В то же время, нет необходимости останавливаться на реальной возможности плавания флота Александра в африканских водах, тем более, что подобная акция, исходя из географических представлений IV в. до н. э., выглядела не настолько уж трудной. Рассмотрим же имеющиеся источники более подробно.

Хорошо известно, каким авторам отдает предпочтение Арриан в своем описании похода Александра. Это его непосредственные участники — Птолемей и Аристул, о чем читатель информируется в самом начале труда Арриана (Арг. I.1.1). Но сведения о планируемом походе на запад не содержались у Птолемея и Аристула. В одном месте из трех Арриан, сообщая о замыслах Александра, употребляет фразу “некоторые писали” (οἱ δὲ καὶ τὰδε ἀνέγραψαν [VII.1.2]), показатель того, что в данном случае он использовал какой-то другой источник. Плутарх в связи с описанием плавания Неарха обращает внимание на желание царя направить экспедицию на запад, к Геракловым столбам, в обход Ливии, но также без указания на источник информации.

Таким образом, невозможно установить, к кому конкретно восходит версия о Западном походе и соответственно оценить степень ее достоверности. Это, конечно, снижает ценность этого сообщения и заставляет историков относиться к нему с недоверием. Например, П. Брант, который рассматривает свидетельство Арриана об экспедиции вокруг Африки как доказательство наличия у Александра после Индийского похода глобальных завоевательных устремлений, почему-то принимает за истинную и отражающую реальные планы царя традицию, сохраненную Диодором⁶. Интересный пример совмещения несовместимого.

У Арриана содержится и еще одна версия относительно масштабов претензий Александра. В Бактрии к македонскому завоевателю прибыло посольство царя Хорезма Фарасмана, предложившего обеспечить поддержку похода в Причерноморье. Однако Александр сообщил о намерениях осуществить вторжение в область Эвксинского Понта не ранее своего возвращения в Элладу после покорения Азии (Арг. IV.15.6). Казалось бы, эта информация может восходить к Птолемею и Аристулу, так как в данном случае Арриан не упоминает какие-то иные свои источники. Но Фарасман пытается привлечь внимание Александра совместными действиями против амазонок, чье появление сразу сводит на нет ценность всего сообщения в целом и позволяет предположить, что оно восходит к поздней традиции.

Следует обратить внимание на действия, предпринимавшиеся Александром в 325—323 гг. Как нам кажется, они могут служить косвенными доказательствами в пользу утверждения Арриана и Плутарха о Западном походе вокруг Африки. В этот период активность македонского царя сосредотачивается в Персидском

⁶ Brunt P.A. Op. cit. P. 212-213.

заливе. Производится строительство кораблей на Евфрате, гавани в Вавилоне на 1000 судов и верфей в этом же городе, который на время становится центром империи (Агг. VII.19.3–4). Для обеспечения флота необходимыми кадрами на вербовку людей в Сирии и Финикии выделяется 500 талантов (Агг. VII.19.5). Конечно, все эти мероприятия хорошо понятны в рамках предстоящего Аравийского похода.

Но есть один факт, говорящий, видимо, о чем-то более глобальном, чем завоевание Аравии. Это — проект колонизации побережья Персидского залива с помощью тех же финикийцев (Агг. VII.19.5). При этом речь шла не о насильственном переселении в интересах империи, а об их возвращении на историческую родину. В античной традиции было распространено представление о том, что именно с берегов Персидского залива происходило заселение Финикии (Hdt. I.1; VII.89). Ю.Б. Циркин считает возможным говорить об использовании Геродотом сведений храмовых источников Тира⁷. Если это действительно так, то финикийцы и сами считали Персидский залив своей прародиной.

Таким образом, Александр планировал длительное освоение этого региона, учитывая при этом финикийские традиции. Также надо принимать во внимание, что македонскому царю были легко доступны сведения о плавании финикийцев вокруг Африки (Hdt. IV.42). Не собирался ли царь использовать навыки финикийцев в предстоящем походе? Кроме того, аравийскую экспедицию вполне можно рассматривать как начальный, подготовительный этап похода на Запад, о котором информируют Арриан и Плутарх.

Еще одним аргументом в пользу историчности данной версии являются географические представления Александра. Даже в отдельных деталях они весьма напоминают представления Аристотеля. В этом нет ничего удивительного, если принять мнение Дж.Р. Гамильтона о получении Александром нормального “академического” образования⁸.

По мнению Аристотеля, восточные окраины ойкумены соприкасаются с областью Геракловых столбов, о чем свидетельствует, в частности распространение в Индии и Ливии одинаковых животных — слонов (Arist. *De caelo*. III.14.298 a). Иными словами продвижение на восток означало приближение к западу.

Видимо, Александр на основе полученных им данных пытался подтвердить взгляды своего учителя. Находясь в Пенджабе, царь выдвинул предположение о том, что Инд и Нил — это одна и та же река, обтекающая по суше Индийский океан, который рассматривался, соответственно, как внутреннее море (Агг. VI.1.1–3). При этом используется аргументация, схожая с аргументацией Аристотеля: Александр обнаружил в обеих реках крокодилов и, якобы, схожие бобы, растущие на их берегах (Агг. VI.1.2). Таким образом, эта теория является

⁷ Циркин Ю.Б. От Ханаана до Карфагена. М., 2001. С. 36–37.

⁸ Hamilton J.R. Alexander's Early Life // GR. 1965. Vol. 12. P. 119.

не географическим курьезом, а, видимо, результатом знаний, полученных царем в юности.

Можно согласиться с Ф. Шахермайером, что в этот момент Александр считал современный Индийский океан замкнутым водоемом на юге, который на севере симметрично дополняет Каспийское море, также не имеющее связей с океаном⁹. Тем более, по поводу Каспия аналогичным было и мнение Аристотеля. И опять ученик следовал за учителем¹⁰. Все это лишний раз доказывает неаутентичность речи Александра перед военачальниками на реке Гифасис, приводимой Аррианом, в которой царь говорит о соединении Каспия с океаном (Арг. V.26.2), хотя очевидно, что тогда Александр думал совсем иначе.

Конечно, достаточно было спуститься вниз по Инду, чтобы убедиться в несостоятельности гипотезы о его единстве с Нилом. Тем не менее, интерес к географической проблематике, с нашей точки зрения, может свидетельствовать в пользу версии о предполагаемом маршруте западного похода, проходящем вокруг Африки.

Но стремление к исследованию новых земель не эквивалентно стремлению к их захвату. Именно на этом настаивает У. Тарн. Если бы у Александра имелись планы мирового господства, он не повернул бы в Индию на реке Яксарт, от которой, по представлениям четвертого века, было совсем недалеко до океана. И перед Гераклидом, посланным для подготовки экспедиции на Каспий, была бы поставлена цель “завоевывать, а не исследовать”¹¹.

На эти аргументы можно возразить следующим образом. Экспедиция Гераклида действительно имела чисто исследовательский характер. Но она направлялась для решения конкретной проблемы, возникшей перед Александром. После плавания по Индийскому океану и разрушения гипотезы о южном замкнутом водоеме, царь стал сомневаться по поводу внутреннего характера Каспийского моря, и цель Гераклида как раз и состояла в проверке: соединяется ли Каспий с океаном (Арг. VII.16.1–2)? Совершенно правильно указывает Ф. Шахермайер на отсутствие у Александра интереса к Каспийскому морю в момент пребывания армии в Гиркании, ведь тогда не было причин сомневаться во взглядах Аристотеля¹².

В области, расположенные за рекой Яксарт, Александр не стал углубляться тоже по вполне понятным причинам. Согласно Аристотелю, северные районы земли безлюдны из-за холодного климата (Arist. *Meteor.* II.5.362 b). Видимо, царь посчитал слабозаселенные пустыни за Яксартом доказательством правоты своего учителя и повернул на юго-восток, в Индию. Это показывает, что Алек-

⁹ Шахермайер Ф. Указ. соч. С. 394.

¹⁰ По поводу сложной проблемы употребления Аристотелем терминов “Гирканское” и “Каспийское” море см.: Hamilton J.R. Alexander and Aral // CQ. 1971. N. S. Vol. 21. P. 106–111.

¹¹ Tarn W.W. Op. cit. P. 423.

¹² Шахермайер Ф. Указ. соч. С. 394.

сандром двигал не только интерес к открытию новых земель. Царя привлекали не просто неведомые земли, а только те, которые представлялось возможным каким-то образом использовать. С этой точки зрения, Западный поход, совмещающий исследовательские и завоевательные цели, выглядит гораздо более соответствующим личностным запросам Александра, чем экспедиция в хорошо известное элинам Западное Средиземноморье, о которой сообщает Диодор.

Теперь необходимо более подробно проанализировать возникновение данной версии. В немецкой историографии (К. Мюллер, Э. Шварц, Ф. Якоби) уже достаточно давно выдвинута теория “вульгаты”, объясняющая сходство описания деятельности Александра у Диодора, Курция Руфа и Юстина использованием ими в качестве общего источника сочинения Клитарха¹³. Хорошо известен факт проживания Клитарха в Египте и его пристрастность по отношению к Птолемею¹⁴. В то же время, не менее хорошо известно стремление Птолемея к экспансии в Северной Африке, к западу от египетской границы¹⁵.

Очень логичным представляется мнение У. Тарна, что Птолемей в своем сочинении об Александре обязательно должен был упомянуть о его планах вторжения в Западное Средиземноморье как дополнительном оправдании собственных претензий, простиравшихся в данном направлении. Отсутствие подобного упоминания и является одним из оснований для признания неисторичной версии Диодора. В этой связи, не мог ли последний заимствовать сведения о западном походе у Клитарха?

Т.С. Браун полагает невозможным называть Клитарха официальным пропагандистом политики Птолемея. Скорее, он писал без надзора со стороны двора в Александрии и одной из целей истории об Александре выступало как раз желание получить признание царского окружения¹⁶.

Если принять это утверждение, то важный вопрос — кто писал раньше, Птолемей или Клитарх, не играет в данном конкретном случае решающего значения, особенно принимая во внимание то обстоятельство, что агрессивная политика Египта в отношении Киренаики и Карфагена ярко проявилась уже в конце IV в., до принятия Птолемеем царского титула, а ряд исследователей относят ее вообще к 20-м гг. IV в.¹⁷

Клитарх мог включить в свое сочинение описание будущего похода в Западное Средиземноморье, чтобы фактом дополнительного обоснования египетской экспансии в Северной Африке обратить на себя внимание Птолемея или его наследников, если царь к этому времени был уже мертв. Конечно, однозначное

¹³ *Brown T.S.* Clitarchus // *AJP*. 1950. Vol. LXXI. P. 134.

¹⁴ *Ibid.* P. 135.

¹⁵ *Садыков М.Ш.* Указ. соч. С. 45–58; Ейне А. Кирено-египетские отношения при первых Птолемеях // *Древний Восток и античный мир*. М., 1972. С. 165–184.

¹⁶ *Brown T.S.* *Op. cit.* P. 140–141.

¹⁷ Обсуждение этого вопроса см.: *Садыков М.Ш.* Указ. соч. С. 50–56.

установление источника Диодора вряд ли возможно, но то, что таковым являлся Клитарх, весьма вероятно.

Таким образом, версии Диодора о планируемом Александром походе в Западное Средиземноморье и Арриана — о походе к Черному морю, по-видимому, следует признать недостоверными. В то же время, в пользу традиции, сохраненной Аррианом и Плутархом, об экспедиции вокруг Африки, свидетельствуют действия Александра в 325—323 гг., географические представления царя и неограниченность его личных амбиций.

Соколов И.Ю. (Саратов)

Г. ДЕЛЬБРЮК, КСЕНОФОНТ И ВООРУЖЕНИЕ ГРЕКО-МАКЕДОНСКОЙ КОННИЦЫ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО

IV век до н. э. стал временем перемен для всего греческого мира. В этот период на авансцену мировой политики выходит Македония, а вместе с ней и знаменитая македонская армия, которая произвела переворот в военном деле. Здесь на первое место выходит конница, которая, как показал поход Александра Македонского, наносила основной удар армии противника. Именно этот удар и решал исход сражения¹.

Пожалуй, ни один крупный исследователь восточной политики Александра не обошел стороной вопрос вооружения конницы. Это и не удивительно, поскольку при решающей роли конницы в сражении без определения этого аспекта практически невозможно судить о тактике и стратегии македонского царя в Азии. Но именно этот вопрос в исторической литературе все еще остается дискуссионным.

Одной из первых фундаментальных работ по истории эллинизма было трехтомное издание И.Г. Дройзена. Его первый том, вышедший в 1833 году, посвящен походу Александра. Здесь немецкий исследователь пишет о том, что греческие и македонские всадники "...носят шлемы, нагрудники, панцирь, наплечники и набедренники и вооружены копьем и мечом..."².

В противовес точке зрения И. Г. Дройзена появляется теория Ганса Дельбрюка, которую он подробно изложил в первом томе своего труда. Согласно этой теории, всадник вооружен двумя короткими копьями, одно из которых использовалось для метания³.

В своих лекциях по военному искусству в эпоху эллинизма Уильям Тарн уделяет большое внимание использованию животных на войне. Во второй лекции английский исследователь определяет вооружение всадника согласно позиции Г. Дельбрюка, но при этом он исключает возможность использования копий для метания, мотивируя это тем, что после битвы при Гранике у Александра появились отдельные конные отряды метателей дротиков⁴.

В первом томе своей работы Е.А. Разин также затрагивает вопрос вооружения конницы. Здесь он делит конницу на три вида: тяжелую, среднюю и легкую. Тяжелую конницу, к которой относятся гетайры, он произвольно определяет как

¹ Дройзен И. История эллинизма. Ростов-на-Дону, 1995. Т. 1. С. 134.

² Там же.

³ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории / Пер. с нем. СПб., 1999. Т.1. С. 135–137.

⁴ Tarn W.W. Hellenistic Military and Naval Developments. Cambridge, 1930. P. 71–74.

катафракт⁵. А.С. Шофман в своем исследовании по восточной политике македонского царя также не обходит вниманием вопрос вооружения конницы, но в этой работе он следует концепции Е.А. Разина⁶.

Джон Фуллер в монографии, посвященной военному искусству Александра, отмечает, что всадники "...были защищены кирасами и вооружены метательными копьями — ксисами для ближнего боя..."⁷. Питер Коннолли в труде по истории военного искусства античности, отмечает, что всадник не имел щита, его тело защищал панцирь, а вооружен он был обоюдоострым мечом и тяжелым копьем⁸. Авторы коллективной монографии о сражениях древнего мира "вооружают" конницу дротиками, но при этом, утверждая о том, что на вооружении гетайров были копья, а не дротики, они также говорят о возможности использования их для метания⁹.

Как видно из краткого обзора историографии, каждый из исследователей этой проблемы находит в чем-то по-своему оригинальное ее решение. Следовательно, задачей данной работы будет попытка на основе источников восстановить вооружение греко-македонской конницы периода восточных походов Александра. Для этого представляется целесообразным подробно рассмотреть теорию Ганса Дельбрюка, во-первых, потому что она представляет собой не простое изложение фактов, как в большинстве работ, а достаточно подробный анализ древних источников, а во-вторых, потому что взгляды Г. Дельбрюка разделяет достаточно большое число исследователей, в том числе и современных. Данная работа на призвана критиковать теорию Г. Дельбрюка. Для своего времени его исследование, безусловно, было принципиально новым шагом в развитии исторической науки. Обращение к его труду вызвано лишь тем, что немецкий военный историк, в отличие от других исследователей, достаточно подробно рассматривает этот вопрос.

Для решения поставленной задачи используется ряд источников. В первую очередь это те тексты, которые приводит сам немецкий историк: две работы Ксенофонта ("Греческая история" и "О коннице"). Кроме того, используются основные источники, связанные с восточными походами царя: "Поход Александра" Арриана, "Жизнеописание Александра" Плутарха, а также XVII книга "Исторической библиотеки" Диодора Сицилийского. Наконец, использованы работы, относящиеся к более позднему периоду: биография Филопемена, написанная Плутархом и "Всеобщая история" Полибия, в VI книге которой можно найти сведения о вооружении греческой конницы.

⁵ Разин Е.А. История военного искусства. М., 1995. Т. 1. С. 207, 213.

⁶ Шофман А.С. Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976. С. 288.

⁷ Фуллер Д. Военное искусство Александра Великого / Пер. с англ. М., 2003. С. 50.

⁸ Коннолли П. Греция и Рим: Эволюция военной истории / Пер. с англ. М., 2001. С. 71–73.

⁹ Энгели С., Джестис Ф.Дж. и др. Войны и сражения Древнего мира: 3000 год до н.э. –500 год н.э. / Пер. с англ. М., 2004. С. 100–102.

Для обоснования своей теории Ганс Дельбрюк использовал два источника. В своей работе “О коннице”, которая носит рекомендательный характер, Ксенофонт развертывает программу подготовки, которую должен пройти всякий всадник: знание пород коней, их особенности, болезни, питание и т. д.¹⁰ Здесь рекомендуется вооружать всадника двумя короткими копьями (дротиками), при отсутствии щита одевать наруч на левую руку, а также защищать голову и грудь лошади доспехом¹¹. Если посмотреть на реконструкции, подходящие под это описание¹², то можно увидеть, что это реконструкции вооружения персидского всадника. Кроме того, когда Ксенофонт пишет о том, какими копьями необходимо вооружать всадника, он использует термин τὸ πάλτον (δύο πάλτα μάλλον [Хен. *De re equestri*. XII.12]), который используют в источниках для обозначения копей персидских всадников (Аг. I.15.1., I.15.5). К тому же греческий историк советует вооружать всадника мечом, обозначая это вооружение термином ἡ κοπίς. Именно этим мечом в битве при Гранике Александру один из персидских военачальников разрубил шлем (ibid. I.15.7–8). Следовательно, Ксенофонт рекомендует вооружать конницу по персидскому образцу. Являясь непосредственным участником военных операций в Персии (походе Кира и отступлении десяти тысяч), греческий историк имел возможность оценить преимущества такого вооружения всадника, особенно в период отступления греков, когда персидская конница изматывала гоплитов на марше¹³. Но, как уже отмечалось выше, трактат носил лишь рекомендательный характер. Можно предположить, что большинство из данных Ксенофонтом рекомендаций не прижились, так как не подтверждаются ни письменными свидетельствами, ни археологическими данными¹⁴.

В одном из отрывков “Греческой истории” Ксенофонта (Хен. *Hel.* III.4.13–15) Ганс Дельбрюк рассматривает одно конное сражение периода похода спартанского царя Агесилая в Персию. Перед боем греческий и персидский конные отряды, вероятно осуществляя разведку, одновременно поднялись на холм (ὁ λόφος). Увидев друг друга, оба отряда стояли какое-то время, не предпринимая каких-либо действий (Хен. *Hel.* III. 4. 13). Расстояние между ними было чуть менее четырех *плефров* (οὐδὲ τέτταρα πλέθρα [ibid. III.4.13]). Греческие всадники были выстроены длинной линией в четыре ряда (φάλαγξ ἐπὶ τεττάρων παρατάγμενοι). Персидский строй имел большую глубину, причем по фронту стояло 12 всадников.

¹⁰ История греческой литературы / Под. ред. С.И. Соболевского, М.Е. Грабарь-Пассек, Ф.А. Петровского. М., 1955. Т. 2. С. 124–125.

¹¹ Коннолли П. Указ. соч. С. 72.

¹² Верри Д. Воины античности. М., 2004. С. 59.

¹³ Разин Е.А. Указ. соч. С. 179.

¹⁴ Коннолли П. Указ. соч. С. 72.

На первый взгляд, сведения, приводимые в данном отрывке, понятны, но на самом деле остается много нерешенных вопросов. Почему греческие всадники так и остались на месте и не атаковали персов? Почему персы до появления греческой фаланги не потеряли ни одного человека? Почему, несмотря на пассивность греческих всадников и последующее их бегство, они потеряли всего 12 всадников? Почему потери так малы, ведь с обеих сторон в сражении участвовали более 500 всадников?

В этом пассаже нет свидетельств того, чтобы греческие всадники использовали свои копья, которые обозначаются термином τὸ δοράτιον, для метания (Хен. *Hel.* III.4.13–14). Этот отрывок Ганс Дельбрюк, вероятно, использовал для того, чтобы показать несостоятельность греческой конницы как реальной силы в сражении. Но дело здесь, скорее всего, в другом. Если копья не использовались для метания, то они, вероятно для этого и не предназначались. Следовательно, если предположить, что греческая конница была тяжеловооруженной, то все становится на свои места. Для конницы такого рода необходимо пространство, на котором можно развить определенную скорость для нанесения удара. Известно, что Александр в битве при Иссе приблизился к персам на расстояние полета стрелы (то есть 200–300 метров, или приблизительно полтора стадия) и только после этого атаковал персов своей конницей (Агг. II.10.3). Если бы греки в данной ситуации тронулись с места, то они не просто не развили бы скорость, необходимую для атаки, но и расстроили бы свой боевой порядок, потеряв при этом способность маневрировать.

Необходимо сказать и о действиях персов. Арриан приводит два варианта; в обоих случаях первоначально персы стремительно наступают, имея глубокое построение. При первом варианте это построение распадается на небольшие отряды, которые, постоянно маневрируя, забрасывают противника дротиками, избегая при этом прямого столкновения. Второй вариант состоит в том, что имитируемая лобовая атака реализуется, как, например, в битве при Гавгамелах (*ibid.* III.15.2).

В сражении, описываемом Ксенофонтом, персы использовали первый вариант, что и доказывает небольшие потери. Кроме того, Арриан ясно дает понять, что лобовая атака крайне нетипична для персов, вооруженных дротиками (*ibidem*).

Сохранив строй, греки смогли минимизировать свои потери, этому способствовало их вооружение, к тому же защищаться от дротиков в строю было, вероятно, легче. Ксенофонт, который очень точен в этом отрывке относительно потерь, ничего не говорит о них до прямого столкновения всадников (Хен. *Hel.* III.4.14). Когда персы растратили свои дротики, у греков появилась возможность маневра, более того, к месту сражения уже приближалась греческая фаланга. В этот момент всадники из первых рядов выехали из строя, напав на персов. Та-

кое движение противника должно было заставить их отойти назад или, по крайней мере, помедлить с преследованием. После этого греческая конница имитировала бегство, рассчитывая на то, что, увлекшись преследованием, персы попадут под атаку фаланги. В целом расчет эллинов оправдался, но потери персов были минимальны — всего один всадник (καί [Περσῶν] εἰς αὐτῶν ἀποθνήσκει [ibid. III.4.14–15]). Греки же потеряли 12 всадников и двух лошадей (δώδεκα μὲν ἵππέας, δύο δ' ἵππους [ibid. III.4.14]). Нужно отдать должное и доспехам персов, так как копья греков ломались, не причиняя вреда противнику ([τῶν Ἑλλήνων] πάντες συνέτριψαν τὰ δόρατα [ibidem]). Позднее с подобной проблемой столкнулись и воины Александра. Вероятно, потому они и стали поражать персов копьями в лицо, т. е. незащищенное доспехами место [Arr. I.15.7., III.14.13; Diod. XVIII.20.6].

Для того, чтобы лучше понять ситуацию, необходимо обратиться непосредственно к вооружению конницы. Наступательное вооружение всадника состояло из копья и меча. Копье в источниках обозначается термином τὸ δοράτιον. Такое копье упоминается еще в “Илиаде”, а к периоду V–IV вв. до н. э. этим термином обозначается тяжелое копье гоплита¹⁵. Условно копье состояло из наконечника (ἡ ἐπιδορατίς), древка (τὸ ξυστόν) и нижнего наконечника, или шипа (ὁ σαυρωτήρ [Polyb. VI.25.8–11]). Именно потому, что копье имело нижний наконечник, его и не использовали для метания, и в случае, если верхний наконечник ломался, употребляли нижний (Arr. I.15.6). В исторической литературе довольно устойчиво мнение о том, что македонские копья (обозначаемые термином τὸ δοράτιον, а иногда τὸ ξυστόν) отличались особо прочным материалом, из которого делалось древко. Большинство исследователей¹⁶ повторяют за Аррианом, что македоняне превосходили персов, в том числе и копьями, сделанными из кизила¹⁷. Прилагательное κρανείνος, действительно, означает *кизильный*, или *сделанный из кизила (крушины), из кизиловой древесины*¹⁸. Но этот термин также употребляется относительно дротиков персов (τὰ παλτά [Xen. De re equestri. XII.12.; Hel. III.4.14]). Из этого следует, что преимущество македонских и греческих копий происходит не от материала, из которого они были сделаны, а от того, как они были изготовлены. По археологическим данным длина копий конницы “друзей” Александра составляла три метра¹⁹.

¹⁵ Велишский Ф.Ф. Быт греков и римлян / Пер. с чешского. Под ред. Ростовцева Д.И. Прага, 1878. С. 536.

¹⁶ См., напр.: Фуллер Д. Указ. соч. С. 169; Энгли С. и др. Указ. соч. С. 102.

¹⁷ ...καὶ ὅτι ξυστοῖς κρανείνοῖς πρὸς παλτά ἐμάχοιντο (“и так как древками из кизила против дротиков они [воины Александра] сражались” [Arr. I.15.5]).

¹⁸ Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь / Под ред. С. И. Соболевского. М., 1958. Т. 1. С. 978; Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. М., 1991. С. 728. Это прилагательное образовано от существительного κράνεια (*дерево кизил*), которое Плутарх употребляет также в значении “кизильное копье” (см.: Дворецкий И. Х. Указ. соч. Т. 1. С. 977).

¹⁹ Энгли С. и др. Указ. соч. С. 102.

Когда копье все же приходило в негодность, всадник брался за меч. Ксенофонт указывает три варианта мечей, которые мог использовать всадник: τὸ ξίφος, ἡ μάχαира и ἡ κοπίς (Xen. *De re equestri*. XII.12). Первые два — греческие, но в источниках встречается только τὸ ξίφος — прямой обоюдоострый меч длиной около 60 см.²⁰

Щит был основным оборонительным оружием. Говоря о греческом щите, Полибий называет термин ὁ θυρεός (Polyb. VI.25.10) — большой прямоугольный (“дверевобразный”) щит, латинский эквивалент — scutum²¹. Арриан вооружает “друзей” Александра щитом, обозначенным как ἡ ἀσπίς (Arr. I.6.5) — небольшой круглый щит²². Тем не менее, некоторые исследователи склонны думать, что македонская кавалерия Александра обычно не использовала щиты²³. Также всадники носили панцирь — ὁ θώραξ (Plut. *Alex. XVI, Filip. VI*; Diod. XVII.20.4). Подобные доспехи известны примерно с V века до н. э., они идеально подходят для верховой езды. Две части панциря крепились с правой стороны специальными крючками — γίγγλυμοι. Сам доспех делался из особо толстой кожи и бронзы, но при этом не защищал живот, бедра и мускулы плеч всадника, поэтому открытые части тела покрывались рядами кожаных полос. Такой панцирь (θώραξ στάδιος) изображен на статуе Марка Нона Бальба, обнаруженной в Геркулануме в декабре 1738 года²⁴. Голову всадника защищал шлем τὸ κράνος (Arr. I.15.8), т. н. “беотийского” типа, который не закрывал обзор всаднику²⁵.

Таким образом, защитное вооружение конницы было, безусловно, тяжелым. Так, панцирь достаточно часто фигурирует в источниках, то же самое можно сказать и о щитах. Что же касается наступательного вооружения, то следует заметить, что копье всадника как принадлежность тяжеловооруженного воина не могло использоваться для метания. На это указывает устройство копья, которое

²⁰ Велишский Ф.Ф. Указ. соч. С. 529.

²¹ См.: Вейсман А.Д. Указ. соч. С. 616. Название щита происходит от его формы: по-гречески θύρα (или θύρη) означает дверь; см.: Дворецкий И. Х. Указ. соч. Т. 1. С. 801, 802.

²² Велишский Ф.Ф. Указ. соч. С. 535, 537.

²³ Sekunda N. *The Army of Alexander the Great*. Oxford, 1986. P. 16; Hammond N.G.L. *The Macedonian State*. Oxford, 1989. P. 125. Not. 92.

²⁴ Richt A. *Illustriertes Wörterbuch der Römischen Altertümer*. Leipzig, 1862. P. 363-364.

²⁵ Коннолли П. Указ. соч. С. 72.

имело наконечник и на нижней части древка. Кроме того, в источниках оно зачастую противопоставляется метательному оружию.

Бесспорно, вопрос о вооружении греко-македонской конницы очень непростой, поскольку в вооружении различных конных контингентов армии Александра были свои особенности, и всецело решить его в одной лишь статье вряд ли возможно. Здесь предложен подход к решению, который может стать основой для дальнейших изысканий в этой области.

Смирнов С.В. (Саратов)

КУЛЬТ ЦАРЯ АНТИОХА IV ЭПИФАНА И ИУДЕЙСКИЕ АПОКАЛИПСИСЫ

Глубокий кризис, потрясший иудейское общество II—I вв. до н. э., выразился в мессианских ожиданиях, захлестнувших Иудею этого времени. С одной стороны, причиной этого кризиса была экспансия эллинистических государств (Египта и державы Селевкидов), с другой же, — сильные внутренние противоречия. Жреческая аристократия Иудеи, которая веками складывалась как особое сословие, начала постепенно отходить от иудаизма и принимать греческую религию. Одних на это подталкивали политические интересы, а других насильно облачали в эллинское язычество. Но для простых крестьян и пастухов греческая религия до самого последнего момента оставалась “чужой”. И даже жестокие методы Антиоха Эпифана не смогли по настоящему изменить религиозного самосознания евреев. Простой люд продолжал верить в “избранность” своего народа. Одним из последствий всех этих противоречий стало появление огромного числа религиозных текстов апокалиптического характера, которые большей своей частью составили апокрифическую (тайную) часть Ветхого завета. В них отразились практически все изменения, которые происходили в это время в иудейском обществе. Отображены в них и упоминания о культе царя Антиоха IV Эпифана.

Причиной такого внезапного появления апокалиптических текстов можно считать социально-политический кризис в Иудее, главным же условием был мощный отток городского населения в деревню. Эта миграция была вызвана, главным образом, жестокими действиями Антиоха Эпифана, пытавшегося заставить жителей крупных городов принять греческий политеизм¹. Именно здесь, в сельской местности, и появляются первые апокалипсисы на территории Иудеи.

Одним из наиболее значительных источников является книга пророка Даниила. Дата ее написания точно не установлена, но принято считать, что она была создана в период между 166 и 161 годами до н. э., хотя эту дату можно значительно сузить. В книге никак не указывается смерть Антиоха Эпифана и конец восстания Иуды Маккавея, поэтому, зная дату смерти царя, а это — зима 164 года до н. э., мы можем предположить, что книга была написана примерно в 165 году. Именно эту дату называют К. Клемен² и К. Каутский³. Но существует и другая точка зрения: В. Дюрانت годом ее написания считает 166 год до н. э.⁴.

¹ Will E. Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.-C.). Nancy, 1982. Т. 2. P. 341.

² Клемен К. Жизнь мертвых в религиях человечества. М., 2002. С. 86.

³ Каутский К. Происхождение христианства. М., 1990. С. 47.

⁴ Дюрانت В. Жизнь Греции. М., 1997. С. 604.

Спорна и цель создания книги пророка Даниила. И.А. Кривелев говорит, что этот источник лишен всякого историзма⁵, но вряд ли эта точка зрения имеет под собой хоть малейшие основания. К. Каутский подчеркивает пропагандистский характер памятника⁶. Чтобы определить цель его написания, необходимо понять, в каких условиях возникла эта книга. Разгар первого Маккавейского восстания, тяжелейшие условия для евреев, постоянные гонения, запреты на проповедования иудаизма, даже на собственный язык, — и тут вдруг обнаруживается литературный памятник, который носит явно пропагандистский характер, тем более, что политическая ситуация, описываемая в источнике (время Вавилонского плена), сильно напоминала положение иудеев во время написания книги. Сам же образ Даниила как мудреца является мифологичным: он сложился еще до появления Ветхого Завета, примерно в III—II тысячелетии до н. э.⁷ Как чудотворец Даниил (Даниилу) упоминается в молитве Набонида, найденной в IV Кумранской пещере⁸. И.Д. Амусин отмечает близость сюжета в молитве Набонида и в Книге пророка Даниила⁹. А в самой книге неверно дан портрет Навуходносора, который больше походит на царя Набонида. И.Д. Амусин говорит о том, что это слияние могло произойти в процессе исторической эволюции¹⁰. Но есть и другой путь; предположим, что в условиях восстания и разобщенности отдельных групп населения требуется некий призыв взяться за оружие и выступить против врага единым фронтом, тогда и появляется книга¹¹. В качестве главного героя выступает один из самых популярных в народе мудрецов, легендарная личность — Даниил, который пророчит о будущем конце всех мучений. Схожесть с сюжетом молитвы Набонида можно объяснить тем, что книгу писали в спешке, поэтому взяли сюжет более раннего текста, видимо, какого-то религиозного произведения, и по его подобию создали первую часть книги, вторая же часть, в которой говорится о будущем, стала плодом фантазии автора.

Судить о степени распространенности данной книги позволяют некоторые факты. К примеру, уже в первой книге Маккавеев (30-е гг. II в. до н. э.) упоминается легенда из Книги пророка Даниила: "...Даниил за свою невинность избавлен от челюстей львов..." (I Макк. 2.60). Это упоминание здесь не случайно. Мы знаем, что тринадцатая и четырнадцатая главы, куда входит и этот отрывок, в Книге пророка Даниила были написаны на греческом языке. По-видимому, это произведение было рассчитано на широкий круг читателей, а именно на иудейскую диаспору, хотя, конечно, сами иудеи принимали только ев-

⁵ Кривелев И.А. Библия: историко-критический анализ. М., 1985. С. 164.

⁶ Каутский К. Указ. соч. С. 266.

⁷ Шифман И.Ш. Ветхий Завет и его мир. М., 1987. С. 66–67.

⁸ Там же.

⁹ Амусин И.Д. Тексты Кумрана. М., 1967. № 1. С. 328–330.

¹⁰ Там же.

¹¹ Rothschild A. The History and Literature of the Israelites. London, 1871. P.194.

рейский текст¹². Но и через двести лет после написания текста Даниил продолжал оставаться одним из самых авторитетных пророков. Евангелие от Матфея упоминает пророчество Даниила¹³.

Переполненная символикой основная часть книги представляет обзорную историю евреев от Вавилонского плена до правления Антиоха Эпифана. Упоминается здесь Александр Македонский, распад его державы и образование эллинистических государств. В качестве примера сложной символики произведения можно привести так называемую символику четырех царств, обозначенных в книге различными металлами, из которых был сделан истукан Навуходоносора, коему, по приказу царя, должны были поклоняться все жители царства. Золото — Вавилония (“...ты — это золотая голова...” [Даниил. 2.38]), серебро — Персия, медь — царство Александра, “...которое будет владычествовать над всею землею...” [там же. 2.39], а железо и глина — государство Селевкидов. Камень же, который согласно тексту разбивает эту статую, — еврейский народ. Именно такую схему предложил Э. Ренан¹⁴. Вполне возможно, что этот образ истукана и камня в тексте книги не случаен, так как Диодор Сицилийский свидетельствует о некоем каменном изображении Моисея, которое было обнаружено Антиохом¹⁵. И именно этот символ иудейской веры был осквернен актом жертвоприношения, так что свиная кровь с алтаря храма текла прямо по камню¹⁶. Весь иудейский народ был унижен этим поступком Антиоха.

Интересен и отрывок из двенадцатой главы, где говорится о противостоянии “северного” царя и “южного”. Этими символами обозначены вполне реальные события, а именно походы Антиоха Эпифана в Египет, среди которых отдельно отмечается второй, наименее удачный и омраченный внезапным прибытием римлян, именуемых здесь Κίτιοι¹⁷. Большую часть всего повествования о “северном царстве” занимает описание действий одного царя. По данным книги, этот царь совершил множество дурного в отношении иудеев, всячески притеснял их, “...поставлена будет им часть войска, которая осквернит святилище...” [Даниил. 11.31]. Судя по всему, в книге есть даже намеки на восстание, “...и разумные из народа вразумят многих...” [там же. 11.33]. Из этих фактов можно сделать вывод, что в книге описываются так же события начала Маккавейских войн.

Помимо всего прочего, в этой же главе оговаривается один важный момент: “...и вознесется он выше всякого божества...” [Даниил. 11.36], когда речь идет

¹² Донини А. У истоков христианства. М., 1989. С. 12.

¹³ “...когда вы увидите мерзость запустения, реченную через пророка Даниила (τὸ ῥηθὲν διὰ Δανιὴλ τοῦ προφήτου), стоящую на святом месте...” (Евангелие от Матфея. 24.15).

¹⁴ Renan E. Histoire du peuple d'Israel. Paris, 1893. Т. 4. Р. 347.

¹⁵ εἰρῶν δὲ ἐν αὐτῷ λίθινον ἄγαλμα ἀνδρὸς βαθυπώγωνος καθήμενον ἐπ' ὄνου, μετὰ χεῖρας ἔχον βιβλίον, τοῦτο μὲν ὑπέλαβε Μωυσέως (Diod. XXXIV–XXXV.1.3).

¹⁶ Graetz. Histoire des Juifs. Tr. de l'allemand par M. Wogue. Paris, 1884. Т.2. Р. 90.

¹⁷ Daniel. 11. 30; Daniel. Theodotionis versio // Septuaginta / Ed. A. Rahlfs. 9. Aufl. Stuttgart, 1935. Bd. 2).

об Антиохе Эпифане. Здесь мы видим прямое указание на культ данного правителя. Подобные строки находим и во Второй книге Маккавеев: "...и тот, который только что мнил по гордости, более нежели человеческой, повелевать волнам моря и думал на весах взвесить высоты гор, повержен был на землю и несен был на носилках, показуя всем явную силу Божию..." [II Макк. 9.8]. Из контекста становится понятно, что Эпифан не чтил богов предков "...и о богах отцов своих он не помыслит..." [Даниил. 11.37], но зато он почитал какого-то нового бога. Скорее всего, это был Дионис, культ которого активно распространяется в это время по всему античному миру¹⁸.

Интересно еще одно место в книге: "...но богу крепостей на месте он будет воздавать честь..." [Даниил. 11.38]. Конечно, сразу же кажется сомнительным словосочетание "бог крепостей". Версия текста, представленная в Септуагинте следующая:

ἐπὶ τὸν τόπον αὐτοῦ κινήσει καὶ θεόν, ὃν οὐκ ἔγνωσαν οἱ πατέρες αὐτοῦ, τιμήσει ἐν χρυσίῳ καὶ ἀργυρίῳ καὶ λίθῳ πολυτελεῖ

("...на место свое принесет и бога, которого не знали отцы его, и будет славить его золотом и серебром, и драгоценными камнями..." [Daniel. 11.38, translatio Graeca]). Но в переводе Феодотиона, который в начале II века н. э. предпринял переработку Септуагинты, стремясь приблизить ее к прото-масоретской версии, это выглядит так:

καὶ θεὸν μαωζιν ἐπὶ τόπου αὐτοῦ δοξάσει καὶ θεόν ὃν οὐκ ἔγνωσαν οἱ πατέρες αὐτοῦ, δοξάσει ἐν χρυσῷ καὶ ἀργύρῳ καὶ λίθῳ τιμίῳ

("...и бога маозим на месте своем прославит, и бога, которого не знали отцы его прославит золотом и серебром, и драгоценными камнями ..." [Daniel. 11.38, Theodotionis versio]).

Больше всего внимания привлекает здесь слово μαωζιν. Оно явно негреческого происхождения, а, скорее всего еврейское. В греческом языке такого слова нет, вероятнее всего, это имя собственное. Древнеславянский же перевод дает следующее: " б о б а ..." ¹⁹ (...и бога мазоима на месте своем прославит...).

Нужно заметить, что в Симеоновском переводе употребляется слово в родительном падеже, то есть . Среди имен собственных с похожей основой можно отметить название горы в Сирии — Мазин (Masin) ²⁰.

¹⁸ Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949. С. 307.

¹⁹ Даниил. 11. 38 (Мефодиевский перевод) // Евсеев И. Книга пророка Даниила в древнеславянском пер. М., 1905.

²⁰ Atlas de la sainte Bible: en latin et en franzais. Paris, 1836. Т. 1. Р.1.

В подтверждение этого факта можно привести один отрывок из Книги Судей: ἐπὶ τῆς κορυφῆς τοῦ ὄρους Μαωζ (“...на вершине горы Маоз ...” [Judices 6.26]). Сложно так же определить, какой из вариантов греческого перевода объективней, но Феодотион в своем переводе пытался приблизить его к так называемой прото-масоретской (более ранней) версии текста²¹.

Из приведенного выше отрывка видно, что речь идет о каком-то боге под именем Маозим. Его и прославляет Антиох. Существует предположение, что μαωζιυ — это Зевс²². В пользу этого говорит тот факт, что Иерусалимский Храм был назван святилищем Зевса Олимпийского (II Макк. 6.2)²³. Хотя в Маккавейских книгах ни разу не встречается случай приношения в жертву быка как жертвенного животного для Зевса. Возможно μαωζιυ — это собирательный образ ипостасей царя, в которых он предстал перед своими поданными. Но факт остается фактом: Антиох Эпифан установил свой культ в Иудее, причем сделал это с применением силы. Причины этого понять сложно, но можно предположить, что у царя действительно была утопическая идея объединения всей державы при помощи единой религии²⁴.

Наиболее приближенной, как по стилю написания, так и по отдельным отрывкам, к книге пророка Даниила является книга Еноха, написанная также в середине II века до н. э. В. Дюрант относит ее написание ко времени между 170 и 166 годами до н. э.²⁵, тогда как В.М. Хачатурян называет дату 162–161 гг. до н. э.²⁶. Тем не менее, можно предположить, что эта книга была создана либо в одно время с книгой пророка Даниила, либо чуть позже, и поэтому дата 162 год является, на мой взгляд, наиболее приемлемой. Примечательно, что, как и книга пророка Даниила, она была написана в довольно короткий срок, что, безусловно, говорит о потребности в произведениях данного жанра в это время.

Сама книга повествует нам о патриархе Енохе, жившим еще до потопа. Несомненно то, что автор этого произведения, подобно создателю книги пророка Даниила, повествует от имени одного из самых почитаемых и авторитетных в народе старцев и мудрецов. В принципе, то же самое можно увидеть в апокалипсисе Ездры и Псалмах Соломона. В книге Еноха мы находим ряд мотивов, которые очень близки книге пророка Даниила. Примечательно место, говорящее об избраннике Бога, который сойдет на землю. К примеру, в книге пророка Да-

²¹ Шифман И.Ш. Указ. соч. С. 20.

²² Die Bible mit Erklrungen / Nach der bersetzung Martin Luters; Mitarbeiter am Alter Testament: D. Baltzer, M.-J. Blieffert u.a.; Mitarbeiter am Neuen Testament: G. Baumbach, K. M. Fischer. Berlin; Altenburg, 1989. S. 627.

²³ Гехт Э. Очерк по истории еврейского народа. СПб., 1866. С. 7; Тарн В. Указ. соч. М., 1949. С. 304.

²⁴ Там же. С. 7; Тарн В. Указ. соч. М., 1949. С. 304; История израильского народа. М., 1902. С. 163.

²⁵ Дюрант В. Указ. соч. С. 611.

²⁶ Хачатурян В.М. Книга святых тайн Еноха // Книга Еноха. М., 2003. С.302.

ниила читаем: "...вот, с облаками небесными шел как бы Сын человеческий,.. дана ему власть, слава и царство,.. Его владычество — владычество вечное..." [Даниил. 7. 13—14], подобное место из книги Еноха: "...в тот день избранный сядет на престол славы,.. и в тот день Я пошлю Моего Избранного жить между ними..." [Енох. 8. 45]. Но в псалме (Давида) 71, относящемуся примерно к этому же времени, можно найти подобные строки: "...он сойдет, как дождь,.. поклонятся ему все цари..." [Псалтырь. 71.6—11]. То же самое мы читаем и в псалмах Соломона: "...да направит он мужа в делах правды,.. да поставит всех их перед Господом..." [Псалмы Соломона. 18.9]. Конечно, сложно определить, какое произведение оказалось образцом для других, но с уверенностью можно отметить идею ожидания мессии, которая была активно распространена в это время. Тогда Антиоха представляли как дьявола, а в противовес ему называли Иуду Маккавея, который в 166 до н.э. году поднял восстание против Антиоха.

Также интересен факт о так называемом "взвешивании" людских дел Богом или же его ангелами. В книге пророка Даниила Бог взвесил дела Валтасара [Даниил. 5.25—27]. В книге же Еноха ангелы взяли длинные веревки, дабы измерить людские дела [Енох. 10.61]. В предсказании будущего книга упоминает одно событие, относящееся, по всей видимости, ко времени Маккавейского восстания: "...и одни будут поклоняться камням,.. будут делать изображения из золота и серебра, и из дерева и глины..." [там же. 19.99]. Конечно, здесь говорится о некой эллинизации иудейского общества, которая несмотря на замкнутость евреев и выгодность их географического положения, захлестнула этот народ²⁷. Шла она двумя путями: во-первых, учитывая основное занятие иудеев диаспоры (торговля), можно вывести естественный путь проникновения эллинистических идей в круги Иерусалима²⁸. Во-вторых, был насильственный путь, по которому пошел Антиох Эпифан. В Иудее царь проводил религиозную политику не так гибко, как в других областях державы, например, в Сузиане. Скорее всего, в этой маленькой области он хотел преподнести урок всей державе и показать свою готовность беспощадно расправляться с непокорными. Кроме того царь боялся измены иудеев в пользу Птолемея, поэтому расправа над населением давала ему возможность решить сразу две проблемы.

Интересен для нас и другой источник — псалмы Соломона. Эти тексты исследователь А.В. Смирнов не относит к апокалипсическим, помещая их в группу лирических произведений²⁹. С таким мнением нельзя согласиться, поскольку в тексте отчетливо прослеживается апокалипсический характер, который скрыт в лирических мотивах. Целесообразнее всего было бы отнести это произведение к

²⁷ Will E. Histoire politique ... P.330.

²⁸ Помимо этого Э. Виль отмечает, что евреи более других народов находившиеся под властью Селевкидов, восприняли эллинистические нравы. См: Will E. Histoire... P.331.

²⁹ Смирнов А.В. Иудейские апокрифически-апокалиптические книги // Книга Еноха. М., 2003. С. 326.

отдельной группе, которую составляют притчи и псалмы. Но именно псалмам Соломона присущ апокалипсический дух.

Дата написания этого произведения спорна: А.В. Смирнов указывает 48 год до н. э.³⁰, хотя некоторые ученые относят создание книги к периоду правления Антиоха Эпифана. Скорее всего, А.В. Смирнов прав, поскольку в первом псалме говорится о Помпее как об осквернителе Храма и о его смерти, но далее, а именно: в псалмах №8 (“На победу”), №11 (“На ожидание”), №16 (“В заступления святым”), — говорится о времени Маккавейских войн. В самом тексте упоминается Антиох IV Эпифан как “...царь в беззаконии...” (*Псалмы Соломона*. 16.22). Без всяких сомнений, на протяжении всего текста мы видим картины ритуальных жертвоприношений какого-то языческого культа, в частности культа Селевкидского царя, имя которому Антиох Эпифан. В другом месте читаем: “...открыл Бог грехи их перед солнцем...” (там же. 8.8). На основании этого отрывка можно предположить, что все языческие культы и насильственное преклонение иудеев перед чужой религией появились в Иерусалиме впервые. Но ко времени Помпея это стало уже привычным. В таком случае можно отнести эти строки к периоду более раннему, а именно к правлению Антиоха Эпифана.

Источник дает некоторые свидетельства и об организации культа Антиоха Эпифана. В восьмой главе тринадцатый стих гласит, что жертвенник храма был осквернен ежемесячным истечением крови (там же. 8.13). Подобные же строки можно найти и во второй книге Маккавеев: “...с тяжким принуждением водили их каждый месяц в день рождения царя на идольские жертвы, а на празднике Диониса принуждали Иудеев в плющевых венках идти в торжественном ходе в честь Диониса...” (*II Макк.* 6.7). Напрашивается вывод, что каждый месяц в Иерусалиме в честь царя проводилось жертвоприношение, сопровождающееся торжественным ходом. Сложно сказать, в какой из своих ипостасей в этот момент находился Антиох. Заметим лишь то, что в тексте упоминается шествие в честь Диониса.

Другим не менее важным, но самым поздним по дате написания источником является так называемое “Вознесение Моисея”. Датировка текста спорна, но большинство исследователей относят ее к началу I века н. э., а если говорить точнее, примерно ко времени между смертью Ирода Великого и распятием Иисуса Христа. Такие рамки можно установить вследствие апокалиптического характера источника, ведь после смерти Христа массовая необходимость в подобного рода произведениях внезапно исчезает: мессия — Иисус Христос — уже пришел. Оригинал текста, написанный на еврейском языке, не дошел до нас, но отдельные слова, на греческом и еврейском, прослеживаются в латинском переводе, который содержится в единственной найденной рукописи.

³⁰ Смирнов А.В. Псалмы Соломона (с приложением од Соломона). Казань, 1896. С. 28.

По существу, этот апокриф подтверждает все намеченные выше положения относительно ситуации в Иудее в целом и культа царя в частности. Но в тексте есть место, косвенно доказывающее, что культ Антиоха Эпифана действительно был распространен в Иудее. В первом стихе десятой главы, говоря о конце царствования Антиоха, автор упоминает слово “дьявол” (*Вознесение Моисея*. 10.1). В принципе, это можно проследить и во всех других апокалипсисах. Но почему здесь речь должна идти об Антиохе? Ведь и Навуходоносор, и Помпей, подобно Антиоху, сжигали храм, заставляли поклоняться своим идолам, но одного только Антиоха называют дьяволом. Скорее всего, для иудеев сожжение храма и принуждение поклоняться чужим богам — это хотя и грех, но грех лишь человеческий, а вот вознесение себя выше Бога, принуждение к поклонению самому себе — это поступок, который может совершить только дьявол. Исходя из данного положения, и возможно понять основную причину обострения мессианских ожиданий в этот период. По представлениям иудеев, приход дьявола, каким воспринимали Антиоха IV, означал скорый конец света и воцарение миссии, именно поэтому со второй половины II века до н. э. и появляется огромное число сект различной апокалиптической направленности.

Подводя общий итог, можно обозначить основные черты, характерные для апокалипсисов этого периода. Во-первых, все они написаны от лица какого-нибудь популярного в народе легендарного старца, именно эта черта позволяет отнести их в разряд “псевдоэпиграфов” (*ψευδεπίγραφοι*)³¹. Во-вторых, в каждом из текстов помещены краткие сведения об истории иудеев (чаще всего со времени Вавилонского пленения до правления Антиоха Эпифана). В-третьих, они носят явно пропагандистский характер и предназначены самым широким слоям иудейского общества; бесспорно, большая часть апокалипсисов в той или иной степени сообщает информацию о культе Антиоха Эпифана.

Этот культ, как видно из текстов, был введен насильственно. Но как бы ни изображали его источники, он не был основным средством для объединения всего государства, ведь, по сути дела, этот культ не имел ни социальной опоры, ни хорошей организации. Он был, скорее, неудачной попыткой реформ, с помощью которых Антиох IV Эпифан хотел поставить себя в один ряд со своим великими предшественниками. Но царь допустил роковую ошибку, поскольку не учел тот факт, что все города и народы, которые когда-либо вводили культ царя в державе Селевкидов, делали это добровольно, из благодарности к великодушному правителю.

Из свидетельств апокалипсисов становится ясно, что культ, введенный Антиохом Эпифаном в Иудеи, был связан с религией, которая должна была объе-

³¹ Смирнов А.В. Иудейские апокрифически-апокалиптические книги. С. 318.

динить всю державу Селевкидов. В пользу этого говорит указ Антиоха о чеканке одного и того же портретного изображения царя на всех монетах государства³². Вполне возможно, что Антиох ввел этот культ с целью противостоять Риму после своего позорного изгнания из Египта (знаменитый “день Элевсина”). Для этого нужна была единая страна, и ее объединением с помощью религии, собственно говоря, царь и занялся.

³² Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985. С. 214–215.